

УДК 93

Д. А. БАЛАКЕР

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Лагуновская, канд. филос. наук, доцент

**РОЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ В РАЗВИТИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Впервые в XIX в. французский писатель О. де Бальзак назвал СМИ четвертой властью. И это не удивительно, ведь именно журналистам предоставляется возможность влиять на сознание людей наравне с законодательной, исполнительной и судебной властью, что актуально в XXI в. Несмотря на стремление властей полностью взять СМИ под свой контроль (например, в Китае, Японии), во многих странах они по-прежнему остаются самостоятельными в основном за счет самофинансирования [1].

В современных условиях смыслообразующие ценности и жизненные идеалы не столько вырабатываются и закрепляются личным опытом и собственным осмыслением, сколько пропагандируются и могут быть навязаны со стороны СМИ, что раскрывает положительные и отрицательные моменты в деятельности современных публицистов. В данной статье ставится цель рассмотреть на основании имеющихся материалов вклад белорусских журналистов в развитие национальной культуры, раскрыть их роль в сохранении преемственности традиционных ценностей, выявить положительные аспекты публицистической деятельности в контексте созидательного развития современного белорусского общества.

После того как страны бывшего Советского Союза обрели право на самоопределение, национальные и культурные традиции стали развиваться особенно активно и плодотворно. Сохранение и преемственность традиций и ценностей национальной культуры становятся все более актуальными на современном этапе. Значительный вклад в обеспечение данного процесса вносят белорусские публицисты.

Белорусский союз журналистов (БСЖ) является основной организацией работников печатных СМИ в Беларуси, насчитывающей более 2000 участников. При значительном количестве молодых работников в организации существует специальное направление деятельности, задачей которого является работа с ветеранами после их выхода на пенсионное обеспечение. Также стоит отметить, что БСЖ осуществляет активную внешнюю политику: сотрудничает с Союзом журналистов России, налажены деловые отношения с Всекитайской ассоциацией журналистов. При этом Институт журналистики в Оксфордском университете отмечает спад доверия к социальным сетям на мировом уровне, что открывает перспективы для актуализации деятельности Белорусского союза журналистов в социальном пространстве.

Значимым лицом современной белорусской публицистики является Анатолий Лемешенок. На протяжении 15 лет (три пятилетних срока подряд) возглавлял Белорусский союз журналистов, прошел долгий путь от журналиста военной газеты до главного редактора «7 дней» и «Республики», активно развивал связи между печатными и телевизионными СМИ. В 2020 г. награжден грамотой Министерства информации Республики Беларусь, удостоен награды «Золотое перо». По словам А. Лемешенка, современные условия требуют от общественных организаций усиления

их участия в общественно-политической жизни страны, а для этого необходим новаторский подход к управлению БСЖ [2].

На современном этапе сотрудникам СМИ отводится особая роль в освещении ценностей национальной культуры. Ко многим публицистам и журналистам прислушивается большое количество людей. На современном этапе СМИ сосредоточены на выработке белорусской национальной идеи, актуализации и развитии народных традиций: выпускается все больше изданий, посвященных национальной культуре, организуются ярмарки, выходят документальные фильмы и программы, которые помогают глубже изучить историю, ценности и обычаи нашей страны. 28 июля 2022 г. по итогам республиканского конкурса среди журналистов и СМИ на лучшее освещение вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений, межкультурного диалога в Республике Беларусь и сотрудничества с соотечественниками за рубежом вручены 6 дипломов Министерства информации, 17 дипломов со специальными призами и 17 похвальных грамот от Уполномоченного по делам религий и национальностей [3].

В год исторической памяти СМИ уделяют большое внимание рассмотрению традиционных ценностей белорусской национальной культуры в исторической ретроспективе. Среди прочих славянских народов белорусская национальная культура и журналистика как ее часть выделяются своей прочной связью с историческими традициями. Для деятелей белорусской национальной культуры как на более ранних этапах, так и на современном характерно постоянное обращение к образам прошлого, к традициям своего народа. Данные темы являются доминирующими в творчестве В. С. Короткевича. Его наследие продолжают развивать белорусские журналисты: такая ретроспектива характерна для белорусских СМИ. В Республике Беларусь имеются как передачи на телевизионных и радиоканалах, так и журналы и газеты, уделяющие значительное внимание историческому прошлому нашей страны и его связи с настоящим и будущим («Белорусский исторический журнал», «Белорусское обозрение», «Белорусский исторический сборник», «Звезда» и др.). Такие источники информации способствуют проведению в Республике Беларусь самостоятельной политики, сохранению самобытности национальной культуры и отстаиванию независимости от других, более крупных и влиятельных стран.

В условиях глобализации сохранение и преемственность ценностей национальной культуры должны явиться результатом деятельности семьи, образования, традиционных религиозных и социальных организаций, СМИ, всего общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесниченко, А. В. Настольная книга журналиста : учеб. пособие / А. В. Колесниченко. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 334 с.
2. Новый председатель БСЖ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://grodnonews.by/news/zhizn/andrey_krivosheev_izbran_novym_predsedatelem_beloruskogo_soyuza_zhurnalistov.html. – Дата доступа: 26.03.2022.
3. О проведении пресс-конференции «Многоликая Беларусь. Вклад диаспор в общую историческую память» и подведении итогов конкурса [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религий и национальностей. – Режим доступа: <https://www.belarus21.by/New/o-provedenii-press-konpherencii-mnogolikaya-belarus-vklad-diaspor-v-obshhuyu-istoricheskuyu-pamyat-i-podvedenii-itogov-konkursa>. – Дата доступа: 02.08.2022.

УДК 94(476–15)

С. А. ГРИНЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. А. Савич, канд. ист. наук, доцент

**РОЛЬ А. ТОМАШУКА В ПОВСТАНЧЕСКОЙ БОРЬБЕ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921–1922 гг.**

Видным деятелем белорусского повстанческого движения против польских властей на территории Западной Беларуси в 1921–1922 гг. был Андрей Томашук. Согласно данным из архивных источников А. Томашук (1901–1922) был правой рукой руководителя Бельского отдела Германа Шиманюка (Скомороха).

Именно Г. Шиманюк (руководитель Бельского отдела) совместно с В. Разумовичем (Хмара), руководителем IV повстанческой группы, В. Масловской и другими известными белорусскими деятелями создал разветвленную подпольную организацию, получившую название «Белорусское братство» или «Братство крестьян-белорусов» и ставшее основой данной группы. Штаб «Белорусского братства» находился в Мерочи, откуда подконтрольным подпольно-повстанческим единицам отправлялись приказы, поставлялось оружие, деньги, литература [1, с. 64]. Главную роль в создании данной организации сыграла партия Белорусская партия социалистов-революционеров (БПСР). Целью повстанцев была подготовка антипольского вооруженного восстания на территории Западной Беларуси и создание независимого белорусского государства. Повстанцы выражали настроения значительной части населения Западной Беларуси, которые были недовольны польской оккупационной политикой, проводимой на территории края после подписания Рижского мира 18 марта 1921 г. Значительную помощь повстанцам оказывало и литовское правительство, которое рассчитывало использовать белорусское движение как козырь в борьбе с Польшей за Виленщину

Андрей Томашук был завербован одним из первых Германом Шиманюком (сам Г. Шиманюк был завербован В. Масловской). Исходя из архивных данных, 15 февраля 1922 г. Андрей Томашук вступил в подпольную повстанческую антипольскую организацию «Братство крестьян-белорусов», и Скоморох оказывал ему всяческое доверие. Изначально главной задачей Андрея Томашука была агитационная работа. Именно, Андрей Томашук завербовал видных деятелей – повстанцев Ю. Сахарчука и Н. Тарасевича [2, с. 12].

Как следует из показаний А. Томашука, в марте 1922 г. Г. Шиманюк на три недели уехал в Ковно для ведения тайных переговоров с большевиками. Вместо себя он оставил А. Томашука руководить подпольной организацией в Бельском повете. После приезда Скоморох сообщил, что вместе с В. Разумовичем он был в советском посольстве в Ковно, где они сумели заключить соглашение и с большевиками. Согласно данному соглашению, РСФСР обязалась признать Белорусскую республику, которая должна была быть создана на демократических основах в результате восстания. Представители РСФСР обещали начать военные действия против Польши. В свою очередь В. Разумович и Г. Шиманюк должны были организовать полномасштабное восстание против польских властей на территории Западной Беларуси. Поддержать это выступление планировали и вооружен-

ные силы Литвы. Восстание планировалось организовать 8 мая 1922 г., тогда же советские войска должны были начать военные действия против польской армии [2, с. 13]. Литовское правительство должно было оказывать организационную помощь белорусским повстанцам [3, с. 166–167].

Деньги на цели восстания против польских властей в Западной Беларуси поступали от Германии и Литвы и распределялись между руководителями повстанческих групп. Значительную часть финансовых средств получал В. Разумович, передавая в свою очередь их подконтрольным ему структурам. В частности после возвращения из Ковно в марте 1922 г. передал Г. Шиманюку 200 000 марок.

Герман Шиманюк доверял А. Томашуку выполнять ответственные поручения. Так, он отправлял своего заместителя с целью получения денег и оружия в Мероч к В. Разумовичу. Во время этой поездки А. Томашука сопровождала Вера Масловская. Хмара передал А. Томашуку 80 тыс. марок, два куска динамита и банку яда для коней, два револьвера системы «Парабеллум». В деревне недалеко от Мерочи повстанцы получили и агитационную литературу. Интересно, что у Хмары А. Томашук видел помощника атамана «Зеленого дуба», который получил большую сумму денег. Данный факт подтверждает координацию действий повстанцев с зеленодубовцами. Также А. Томашук видел, что 100 тыс. марок получил и представитель Сокольского повета [2, с. 13].

Возвращаясь с полученным у Хмары, в дороге, возле местечка Мартинковцы, Андрей Томашук вместе с товарищами был задержан польскими пограничниками. Их спасло лишь то, что они сумели дать пограничникам крупную взятку в 30 тыс. марок. Опасаясь повторного задержания А. Томашук, вместе с товарищами выбросили револьверы и динамит. Яд в последствии отдали на хранение Г. Шиманюку [2, с. 13].

Во время одной из поездок в Ковно, как сообщает А. Томашук, Скоморох привез шапирограф, с помощью которого Г. Шиманюк отдал следующий приказ: привлечь в организацию бывших солдат и офицеров российской армии. «Скоморох» назначил руководителей четырех районов, в которых планировалось восстание: 1. От Гайновки до гмины Влосинки (руководил А. Томашук); 2. От Верховичей до гмины Орля – К. Бартошук (псевдоним «Чайка»); 3. Округ Гродзиско – Д. Леонюк (псевдоним Железная рука); 4. Округ Витово – Е. Иванюк (псевдоним Лес) [2, с. 13]. Г. Шиманюк и его штаб имели связь с эсерами, а через них – с правительством В. Ластовского [4, с. 32].

Уже в начале марта 1922 г. польская полиция получила сведения от своего агента, который проник в организацию, о подготовке к восстанию на территории Западной Беларуси [5, с. 7]. В связи с этим полицией были проведены многочисленные аресты. Так, уже в феврале 1922 г. были посажены в Белостокскую тюрьму В. Масловская, Е. Матейчук, А. Парун, А. Трипус, С. Жабинский и др. Часть повстанцев-подпольщиков сумела спрятаться от полицейских в Беловежской пуще и составила костяк отряда, который после приезда из Литвы возглавил Г. Шиманюк. Он скорее всего сам принял решение о начале открытой вооруженной борьбы против польских властей, т. к. как нет подтвержденной информации о приказе о начале вооруженных действий против польских властей, отданном подконтрольными правительству БНР в Ковно или литовскому правительству структурами. По свидетельству А. Томашука в отряде было 24 человека [2, с. 13].

Отряд Г. Шиманюка провел ряд акций, наиболее известной из которых было нападение на полицейский участок в местечке Клещели в ночь с 27 на 28 апреля 1922 г. [6, с. 106]. В результате нападения был убит один полицейский [2, с. 12]. Вероятно, операции Г. Шиманюка были ответом на аресты польской полицией членов белорусской повстанческой организации. Во всех акциях отряда Г. Шиманюка активное участие принимал Андрей Томашук. Поддержка различных слоев общества способствовала росту размаха партизанского движения. Кроме отряда Г. Шиманюка, успешно действовали и подразделения В. Разумовича (Хмары), И. Шершня, Я. Хоревского и др. [1, с. 70, 76; 7, с. 4].

Для борьбы с повстанцами польское правительство ввело в крае военное положение и военно-полевые суды. Фактически в конце мая 1922 г. был разгромлен и отряд Г. Шиманюка. Скомороху и нескольким его сподвижникам удалось бежать в Литву, где они продолжили подпольную деятельность против польских властей [8, с. 47]. Военно-полевой суд в Белостоке 23 мая 1922 г. приговорил к расстрелу А. Томашука, а также его товарищей Я. Сахарчука, Я. Пителюка, Д. Мартынюка за нападение на Клещели [9, с. 63–64].

Таким образом, судьба А. Томашука, как и многих других повстанцев, была трагической. Достижению их целей помешала активная деятельность польской полиции и дефензивы, а также отказ в 1923 г. литовского правительства от организационной и финансовой поддержки белорусских повстанцев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токць, С. Беларуска-літоўская партызанка ў Гродзенскім павеце Беларускага ваяводства ў 1922–1923 гг. / С. Токць // *Białoruski Zeszyty Historyczne*. – 2018. – № 50 – С. 61–97.
2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 297.
3. Гімжаўскас, Э. Беларускі фактар пры фармаванні літоўскай дзяржавы ў 1915–1923 гг. / Э. Гімжаўскас. – 2-е выд. – Смаленск : Інбелкульт, 2013. – 216 с.
4. Сорокин, А. А. Освободительное и революционное крестьянское движение в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : Изд-во БГУ, 1970. – 172 с.
5. ДАБр. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 294.
6. Горны, А. Новая крыніца па гісторыі беларускай партызанкі ў атамана Чорта / А. Горны, А. Кузняцоў, Д. Фіонік // *Бэзьскі гостінец*. – 2018. – № 58. – С. 104–110.
7. Ерш, С. Легендарны атаман / С. Ерш // *Наша Ніва*. – 1998. – № 15. – С. 4.
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 325. Воп. 1. Спр. 57.
9. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / А. Н. Мацко [и др.] ; под ред. А. Н. Мацко и В. Е. Самутина. – Минск : Беларусь, 1966. – 403 с.

УДК 930.85

Р. С. ГРЫГАРЧУК

Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы

Навуковы кіраўнік – А. М. Абухава, канд. гіст. навук, дацэнт

ГІСТАРЫЧНЫЯ НЕКРОПАЛІ ГАРАДОЎ БЕЛАРУСІ (ДРУГАЯ ПАЛОВА XIX – ПАЧАТАК XX СТ.) І ІХ РОЛЯ Ў КАМЕМАРАЦЫЙНЫХ ПРАКТЫКАХ

Прыклады камемарацыйных практык можна сустрэць яшчэ ў Антычнасці, але зараджэнне палітыкі камемарацый (ці палітычных камемарацый), на думку французскага гісторыка Ф. Ар’еса, прыйшлося на 80-я гг. XX ст. У XIX ст. звязана гэта было з працэсам страты прысутнасці мінулага, яго непасрэднага адчування ў грамадстве, якое раней адчувала сябе цалкам пагружаным у жывую традыцыю [1, с. 44]. А. Мэгіл, у сваю чаргу, галоўнай функцыяй камемарацый і камемарацыйных практык называе аб’яднаўчую функцыю, мяркуючы, што “камемарацыя ўзнікае ў сучаснасці з жадання супольнасці, якое існуе ў дадзены момант, пацвярджаць пачуццё свайго адзінства і супольнасці, спрашчаючы сувязі ўнутры супольнасці праз падзяленне яго членамі стаўлення да мінулых падзеяў... Камемарацыя – спосаб замацавання грамадства, супольнасці камемаратараў” [2, с. 116]. Аднак для аб’яднання людзей у пэўную сацыяльную групу камемарацыйныя практыкі павінны валодаць пэўнымі характарыстыкамі. П. Нара называе тры такія характарыстыкі: матэрыяльнасць, сімвалічнасць, функцыянальнасць. На яго думку, адсутнасць адной з характарыстык прыводзіць да знішчэння “месца памяці” і, як вынік, памяншэння значнасці інтэгратыўнай функцыі камемарацый [3, с. 40]. Па вызначэнні аўтара, месцы памяці – крайняя форма існавання камемаратыўнай свядомасці, спароджанай працэсам замены памяці гісторыяй. Але грамадства, якое выклікала гэтую замену, хоць і шануе “новае вышэй старога, маладое вышэй лядашчага, а будучыня вышэй мінулага”, усё ж мае патрэбу ў пункце апоры, у некаторых “ілюзіях вечнасці”. П. Нара вельмі цесна звязвае футурыстычнасць з камемаратыўнасцю. Паводле яго слоў, чым больш магчымасцяў з’яўляецца для прадбачання і прагназавання, тым больш ярка вызначаецца палітыка захавання і мемарыялізацыі. Чым больш інтэнсіўна мы зазіраем у будучыню, тым вастрэй адчуваем яе “нестабільнасць”, тым больш намаганняў мы прымаем для захавання мінулага.

Э. Дзюркгейм вылучыў наступныя рысы, уласцівыя камемарацыйным рытуалам: 1) калектыўны характар – прыныпова, каб у камемарацыі прымалі ўдзел усе члены сацыяльнай групы; 2) эмацыйнасць – пад час выканання камемаратыўных рытуалаў, не проста рэагаваць на сучаснасць, а адчуваць экстатычныя пачуцці, чалавек павінен верыць у камемаратыўны абрад; 3) сакральнасць – рытуалы далучаюць чалавека да нейкай містычнай прасторы, якая адрозніваецца ад звычайнага жыцця; 4) рэтраарыентаванасць – камемаратыўныя практыкі апускаюць чалавека ў гераічнае або драматычнае мінулае, якое вельмі важна для яго сацыяльнай групы [4, с. 223].

Па меркаванні А. Васільева, “паколькі першымі аб’ектамі пакланення і перыядычных успамін былі продкі, то першымі камемаратыўнымі рытуаламі

аказваюцца памінальныя абрады, а першымі «месцамі памяці» – могілкі» [5, с. 152]. Таму найбольш звычайнай традыцыйнай формай камямарацыйных практык для насельніцтва гарадоў беларускіх губерняў у другой палове XIX – пачатку XX ст., якая валодае вышэйпералічанымі характарыстыкамі, з’яўляюцца некропалі і могілкі. Усе пахаванні ў дадзены перыяд можна ўмоўна падзяліць на дзве катэгорыі: 1) «храмавыя» могілкі (хрысціянскія (каталіцкія, праваслаўныя, лютэранскія) і нехрысціянскія (іудзейскія, татарскія і інш.)) і камунальныя (можа існаваць умоўнае тэрытарыяльнае дзяленне); 2) могілкі і некропалі як асабліва каштоўныя пахаванні, якія ахоўваюцца дзяржавай. Апошнія з’яўляюцца асабліва важнымі для камямарацыі, бо могуць служыць асновай для камямарацыйных практык розных маштабаў (напрыклад, для сямейных і палітычных). Акрамя таго, могілкі і некропалі выступаюць не толькі як месцы для здзяйснення рытуальных памінанняў, але і як узор могілкавай скульптуры і эпітафій. Аднак неабходна разумець, што прынцыпова важным у камямарацыі з’яўляецца яе сувязь з сучаснасцю ў адрозненне ад памяці, якая звязана з мінулым [2, с. 157]. Як вынік, колькасць камямарацыйных практык, звязаных з канкрэтнымі могілкамі, будзе змяншацца з ходам часу, бо не будзе рэалізоўвацца памінане некаторых пахаванняў.

Адна з найстарэйшых камунальных могілак на тэрыторыі Беларусі – Гродзенскі некропаль, заснаваны ў канцы XVIII ст., яго прынята дзяліць на дзве часткі – праваслаўную і каталіцкую. Аднак абедзве часткі складаюць адзіную мемарыяльную прастору ў ландшафце горада. Першыя пахаванні з’явіліся на каталіцкіх могілках у 1792 г., крыху пазней з’яўляюцца пахаванні і на праваслаўных могілках. У другой палове XIX – пачатку XX ст. Гродзенскі некропаль працягвае выконваць свой прамы функцыянал. Тут былі пахаваны генерал-лейтэнант і герой вайны 1812 г. С. М. Ланской, біскуп Ігнат Жалызоўскі, этнограф і фалькларыст М. А. Дзмітрыеў, прэзідэнт “Таварыства дактароў Гродзенскай губерні” А. Ф. Райпольскі і інш. [6, с. 33]. Акрамя таго, у другой палове XIX ст. былі заснаваныя праваслаўныя і каталіцкія могілкі (у завулку Перамогі) і гродзенскія вайсковыя могілкі (па вуліцы Белуша). Сёння ўсе вышэйназваныя могілкі г. Гродна з’яўляюцца афіцыйна зачыненымі, аднак адбываюцца “дапахаванні”. Некаторыя з могілак уключаны ў спіс гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь. Менавіта на іх аснове рэалізуюцца камямарацыйныя практыкі ў сучаснасці. Таксама на тэрыторыі г. Гродна існавала тры буйныя іудзейскія некропалі, але толькі адзіны дайшоў да нашых дзён – Занёманскія габрэйскія могілкі.

Яшчэ адным прыкладам беларускага некропаля, які функцыянаваў у другой палове XIX – пачатку XX ст., з’яўляюцца Трышынскія могілкі г. Брэста. Лічыцца, што гэтыя могілкі заснаваны не пазней за XV ст., хоць самы стары надмагільны камень датуецца 1834 г. Тут пахаваны этнограф А. П. Старажэнка, Е. Г. Сцялецкая, А. Гельмерсен і інш. З 2016 г. Трышынскія могілкі ахоўваюцца дзяржавай.

Найстарэйшым некропалем г. Гомеля з’яўляюцца Навабеліцкія (Засожскія) могілкі. Хаваць нябожчыкаў, прадстаўнікоў розных нацыянальнасцяў і веравызнанняў, тут пачалі ў 1885 г. Некропаль стаў апошнім прытулкам для прадстаўнікоў шляхецкай эліты, у тым ліку гарадскога кіраўніка А. Крушэўскага, картографаў А. Шчакудава і Б. Дзерэнгеўскага. Сёння некаторыя з пахаванняў ахоўваюцца дзяржавай.

Найбуйнейшы некропаль Магілева – Машэкаўскія могілкі, утвораныя ў пачатку XVIII ст. У першую чаргу імі карысталіся праваслаўныя і габрэі, каталіцкія могілкі (1810) знаходзяцца на вуліцы Лазарэнка. І першыя, і другія могілкі служаць месцам пахавання многіх прадстаўнікоў мясцовай арыстакратыі і інтэлігенцыі. У Віцебску, наадварот, асобна сфарміраваліся габрэйскія (Стараўланаўскія) могілкі, заснаваныя

ў 1909 г. з дазволу сената. Галоўныя хрысціянскія могілкі г. Віцебска ў другой палове XIX – пачатку XX ст. – Старасямёнаўскія (самае старое пахаванне датуецца 1852 г.), дзе пахаваны маці паэта і драматурга Я. Райніса, генерал ад інфантарыі А. К. Рыхтэр і інш.

Кальварыйскія могілкі г. Мінска пачынаюць сваю гісторыю як каталіцкія могілкі, аднак з 1830 г. тут пачалі хаваць і прадстаўнікоў іншых канфесій. Тут знаходзіцца вялікая колькасць ваенных пахаванняў, у тым ліку салдат напалеонаўскай арміі, Першай сусветнай вайны і інш. У 2002 г. Кальварыйскія могілкі атрымалі статус гісторыка-культурнай каштоўнасці.

Смерць – прыродны этап жыцця чалавека, таму могілкі (захаваныя лепш ці горш) ёсць у кожным беларускім горадзе. У залежнасці ад рэгіёна ў пахаванняў будзе свая ўнікальная спецыфіка. Тэндэнцыя ўключэння старых некропаляў і могілак у спіс гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь, безумоўна, з’яўляецца станоўчай. Але часта гэта робіцца, калі ўзнікае небяспека знішчэння пахаванняў, а гэта, у сваю чаргу, вядзе да музеефікацыі некропаляў і могілак, а не да іх камемарыялізацыі. Але, як гаварылася вышэй, “адміранне” або “сціранне” памяці – гэта абсалютна натуральны працэс, які можна запаволіць, але не адмяніць.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Арьес, Ф. Время истории / Ф. Арьес ; пер. с фр. и прим. М. Неклюдовой. – М. : ОГИ, 2011. – 304 с.
2. Мегилл, А. Историческая эпистемология : науч. монография / А. Мегилл ; пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. – М. : Канон+, 2009. – 480 с.
3. Нора, П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 333 с.
4. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. – М. : Канон+, 1998. – С. 174–231.
5. Васильев, А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А. Васильев // Социол. обозрение. – 2014. – Т. 13, № 2. – С. 141–167.
6. Черепица, В. Н. Гродненский православный некрополь (с древнейших времен до начала XX в.) / В. Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2001. – 230 с.

УДК 930:001.891.572

Я. С. ЕРМАКОЎ

Мінск, Інстытут філасофіі НАН Беларусі
Навуковы кіраўнік – С. І. Санько, канд. філал. навук

РОЛЯ МАДЭЛЯВАННЯ Ў ГІСТОРЫКА-ТЭАРЭТЫЧНЫМ АСЭНСАВАННІ СЕПАРАТЫЗМУ (НА ПРЫКЛАДЗЕ АДЗЯЛЕННЯ ПАЎДНЁВАГА СУДАНА)

Мадэлі ўжо працяглы час з’яўляюцца для даследчыкаў адным са спосабаў даследавання рэальнасці. На думку Ж. К. Загідуліна, мадэлі як навуковыя адзінкі могуць забяспечыць “прывілеяваны” “доступ да рэальнасці” [1, с. 332]. Актualізуецца праблема канвергенцыі філасофскіх ведаў (у першую чаргу метадалагічнай накіраванасці), з аднаго

боку, і дасягненняў гістарычнай навукі – з другога, на глебе сістэмнага даследавання якіх-небудзь феноменаў. Гэта значыць, што праблема мае і метадалагічны, і міждысцыплінарны характар. Далей разгледзім магчымасці гэтай канвергенцыі на прыкладзе вывучэння сепаратызму Паўднёвага Судана з дапамогаю мадэлявання.

Перад тым, як адзначым некаторыя мадэлі, прывядзём нашае разуменне сепаратызму як класа з’яў, што ўзнікае па прычыне крызісу ўнутры пэўнай дзяржавы, але не праз знешнюю агрэсію, і накіраваны на аддзяленне ад гэтай дзяржавы пэўнай яе часткі з мэтай далейшай яе інстытуцыяналізацыі. Як бачна, у гэтым апрыёрным вызначэнні прысутнічаюць пэўныя часткі “клас з’яў”, “крызіс”, “аддзяленне”, “інстытуцыяналізацыя”, якія падчас тэарэтычнага асэнсавання сепаратызму могуць стаць пэўнымі “адпраўнымі пунктамі”.

Першая мадэль, якую мы разгледзім, – “фазавая”. Яна з’яўляецца прыкладам мадэлі сацыяльных механізмаў і лагічна сумяшчае розныя тэарэтычныя канцэпты, г. зн. мае тэарэтычнае напаўненне. Складаецца з пэўнай колькасці фаз – “дзеясці фактараў сепаратызму”, “выклік”, “адказ”, “крызіс і канфлікты”, “распад і тэрытарыяльная дэінтэграцыя”, “інстытуцыяналізацыя” – і фазавых пераходаў паміж імі. Сама мадэль з’яўляецца канцэптуальным і эўрыстычным метадам даследавання як асобных выпадкаў сепаратызму, так і іх групы ў гісторыка-параўнальнай перспектыве.

Для прыкладу коратка разгледзім працэс фарміравання сепаратыўнага выкліку ў Судане. Згодна “фазавай” мадэлі, “выклік” вызначаецца як пэўны дыскамфорт некаторых сацыяльных суб’ектаў і пэўным чынам уплывае на стан грамадства. Вылучаюцца выклікі першага і другога парадку, якія адрозніваюцца паміж сабою ўласцівасцямі і сацыяльным маштабам і ў залежнасці ад сукупнасці груп прычын могуць быць знешнімі і ўнутранымі.

У выпадку сепаратызму Паўднёвага Судана сепаратыўны выклік меў дастатковы сацыяльны маштаб, каб яго можна было ахарактарызаваць як выклік другога парадку. Ён меў унутраную прыроду, значную ролю адыгралі і геаграфічны, і гістарычны (культурны і цывілізацыйны) аспекты, але пры гэтым мела месца дзеянне і геапалітычных фактараў – заканчэнне каланіяльнага дамінавання Вялікабрытаніі ў Судане. Цяжка сказаць, якая катэгорыя фактараў адыграла вырашальную ролю ў фарміраванні сепаратыўнага выкліку, аднак можна дакладна адзначыць наступнае: з пачаткам незалежнай гісторыі Судана ў 1955 г. краіна дзесяцігоддзямі была слабай у першую чаргу палітычна (толькі з 1956 па 1958 г., з 1964 па 1969 г. і з 1985 па 1989 г. Суданам кіравалі не ваенныя).

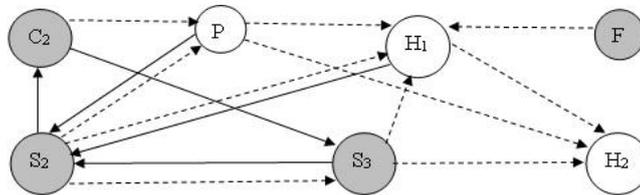
Лагічным можна палічыць, што сепаратыўным выклікам была першая грамадзянская вайна, якая цягнулася з 1955 па 1972 г. Аднак С. Сярогічаў адзначае, што ў першыя гады незалежнасці “суданскае грамадства яшчэ было адзіным і жыхары Поўдня вылучалі свае патрабаванні аб федэралізацыі краіны менавіта як частка гэтага грамадства і дзяржавы, якая не жадала расколваць адзіны Судан, бачачы ў гэтым імкненні ўсяго толькі адгалоскі змрочнага каланіяльнага мінулага краіны” [2, с. 177]. Такім чынам, першая грамадзянская вайна, якая скончылася Адзіс-Абебскім пагадненнем ад 1972 г., з’яўлялася канфліктам цэнтральнай, з большага арабскай, улады Судана з першапачаткова неарганізаванымі сіламі хрысціянскай Поўначы, выступаўшымі за аўтаномію, але не за аддзяленне.

Сепаратыўным выклікам жа варта, на наш погляд, па некаторых прычынах лічыць інцыдэнт у Бору 1983 г., калі салдаты з Поўдня паднялі мяцеж супраць сваёй перадыслакацыі на Поўнач [3, р. 169]. Па-першае, сама структура падзей, якія адбыліся ў гэтым годзе, падказвае нам невыпадковы характар мяцяжа. Ваенная дыктатура на чале з Джафарам Німейры, які знаходзіўся ва ўладзе з 1969 г., у 1983 г. адмяніла аўтаномію

Паўднёвага Судана і ўзяла курс на пабудову ісламскай дзяржавы. Па гэтай прычыне па ўсёй краіне, у тым ліку і на Поўдні, пачалі ўводзіць нормы шарыяту, адбылося зацвярджэнне арабскай мовы ў якасці адзінай дзяржаўнай ва ўсім Судане і паглыбленне эканамічнай экспансіі суданскіх уладаў на Поўдзень [4, р. 227]. Гэта было парушэнне норм Адзіс-Абэбскага пагаднення і Канстытуцыі Судана, што выклікала рост сепаратыўных настрояў: у гэтым жа годзе была створана Народная армія вызвалення Судана для барацьбы за аднаўленне аўтаноміі Паўднёвага Судана [5, с. 54–55].

Па-другое, сітуацыя значна ўскладнялася яшчэ і тым, што ў перыяд аўтаноміі, да пачатку Другой грамадзянскай вайны, на Поўдні Судана пачалі знаходзіць вялікія аб'ёмы нафты, што выклікала дадатковую напружанасць паміж цэнтральнай уладай Судана і паўднёвай аўтаноміяй [5, с. 55–56]. Няроўнасць у эканамічным развіцці і так існавала паміж Поўначчу і Поўднем Судана, у той жа час як новыя рэсурсы маглі б гэтую няроўнасць узмацніць. Апроч таго, нафта давала да канфлікту і міжнароднае значэнне, што магло быць выкарыстана абодвума бакамі. З улікам гэтага знаходжанне нафты і іншых выкапняў садзейнічала толькі кансалідацыі бакоў у іх барацьбе, а не ўсёй краіны. Такім чынам, у адпаведнасці з “фазай” мадэллю інцыдэнт у Боры выклікаў пэўны дыскамфорт палітычнай эліты Судана як на Поўначы, так і на Поўдні, што прывяло да шэрага дзеянняў, якія мелі вялікія наступствы для краіны.

Другая мадэль – мадэль структурна-дынамічнай прычыннасці – абумоўлена вынікамі, з аднаго боку, тэарэтычнага асэнсавання сепаратызму, а з іншага – класічным гістарычным даследаваннем асобных выпадкаў сепаратызму. Адзначаны тып мадэлі “накіроўвае” на пошук не толькі асаблівых прычын, але і працэсу іх параджэння, які можа быць нелінейным і шматаспектным. Як і “фазавая” мадэль, яна можа мець графічны выгляд, эксплікацыя якой прадстаўлена ніжэй (малюнак).

Малюнак– Структурна-дынамічная мадэль прычыннасці пераходу да распаду і тэрытарыяльнай дэзынтэграцыі

На схеме суцэльная стрэлка абазначае станоўчую сувязь, пункцірная – адмоўную сувязь, суцэльна зафарбаваныя ячэйкі – фактары, якія адмоўна ўплываюць на гомеастатычную пераменную. F (*Factors*) – знешнія і ўнутраныя фактары сепаратызму, H_1 (*Homeostetic*) – гомеастатычная пераменная “тэрытарыяльная легітымнасць рэжыму на пэўнай тэрыторыі”, H_2 – “тэрытарыяльная цэласнасць дзяржавы”, S_2 (*Structures*) – інтэнсіўная дзейнасць інстытутаў і практык, з большага сілавых, S_3 – дзейнасць інстытутаў і практык прыхільнікаў сепаратызму, C (*Costs*) – выдаткі дзейнасці актыўнасці сілавых інстытутаў і практык, P (*Power*) – улада як палітычны інстытут.

У дадзенай мадэлі паказана, што пераход да распаду і тэрытарыяльнай дэзынтэграцыі адбываецца праз пастаяннае павышэнне выдаткаў C_2 , што адмоўна адбіваецца на здольнасці эфектыўна функцыянаваць улады P як ключавога інстытута дзяржавы. Змяншэнне магчымасцяў P праз рост C_2 можа прыводзіць да ўзмацнення S_2 (сілавых стратэгий і практык) і ўсё большай эскалацыі і паглыблення крызісу, што негатыўным чынам зноў адбіваецца на эфектыўнасці P .

Структурная прычына няўдачы захавання адзінага Судана, на наш погляд, крыецца ў няздольнасці дзяржаўных структур, якія спрабавалі ўзмацавацца пасля другой Грамадзянскай вайны, забяспечыць захаванне адзінства Судана ці, па-іншаму, захаваць гемеастатычную пераменную “тэрытарыяльная цэласнасць дзяржавы” на неабходным для гэтага ўзроўні. Іншымі словамі, згодна схеме дэзынтэграцыя адбылася праз комплекс станоўчых і адмоўных сувязей: $S_2-C_2-S_3-\dots-P-N_1-N_2$.

Такім чынам, разгледжаная рэалізацыя мадэлявання на прыкладзе сепаратызму Паўдневага Судана дазваляе, прынамсі, выказаць наступныя думкі, што тычацца яго магчымасцей і абмежаванняў у гістарычнай навуцы. Па-першае, мадэляванне як асобны інструмент даследавання дае магчымасць тэрэтызаваць прадмет вывучэння яшчэ да факталагічнага яго даследавання, што закладвае пэўныя пункты погляду на сам прадмет, вылучаючы пры гэтым інварыянтныя яго рысы. Па-другое, мадэляванне ў гісторыі, аднак, не можа ісці без факталагічнага вывучэння прадмета, бо мадэляванне – гэта ў першую чаргу метаад абстрагавання і рэдукцыі, за якімі губляюцца асобныя акалічнасці. Выйсцем з гэтага можа быць, напрыклад, гісторыка-параўнальнае даследаванне асобна абраных выпадкаў таго ці іншага працэсу з паслядоўным прымяненнем мадэлявання як метаду тэрэтычнага вывучэння.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Загидуллин, Ж. К. Модели в науке и проблема реальности / Ж. К. Загидуллин // Перспективы реализма в современной философии : сб. тр. / под ред. В. А. Лекторского. – М. : Канон+, 2017. – С. 332–352.
2. Серегичёв, С. Судан умер, да здравствует Судан! / С. Серегичёв // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 2. – С. 174–181.
3. Thomas, C. G. Secession and Separatist Conflicts in Postcolonial / C.G. Thomas, T. Falola. – University of Calgary Press, 2020. – 344 p.
4. Heraclides, A. Janus or Sisyphus? The Southern Problem of the Sudan / A. Heraclides // The Journal of Modern African Studies. – 1987. – Vol. 25, № 2. – P. 213–231.
5. Кудров, Е.А. Судан на пути к разделению в 2011 г. Проблема юга страны и пути ее решения / Е.А. Кудров // Вестн. Моск. ун.-та. Сер. 13, Востоковедение. – 2008. – № 3. – С. 51–67.

УДК 94(476)

С. А. ЖУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. И. Шевчук, д-р. ист. наук, доцент

АКАДЕМИЯ НАУК БССР: ОТ ДОГОНЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ К УПРАВЛЕНИЮ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ПРОГРЕССОМ (СЕРЕДИНА 1950-Х – 1960-Х ГГ.)

К середине 1950-х гг. Академия наук БССР окончательно преодолела последствия Великой Отечественной войны и находилась в поиске стратегических целей развития, определения «контуров будущего». Полностью был пройден кризис управления, имевший место в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Новый состав Президиума во главе

вития, определения «контуров будущего». Полностью был пройден кризис управления, имевший место в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Новый состав Президиума во главе с В. Ф. Купревичем ставил перед собой амбициозные задачи по созданию в БССР условий для развития исследований в области физики, химии, математики, биологии, геологии [1]. Президент Академии в выступлении на сессии Верховного Совета БССР в 1954 г. отмечал: «Без развития фундаментальных исследований невозможно нормальное функционирование экономики» [2, л. 10]. Вместе с тем Василий Феофилович предлагал значительно увеличивать финансирование только при условии реальной возможности достижения результатов.

Белорусская наука в середине XX в. критически отставала от советской и мировой в области естественных, точных и технических наук. Прежде всего это связано с практически полным отсутствием академической традиции и многочисленными трудностями объективного и субъективного характера, перманентно возникавшими в 1920-е – 1940-е гг. Остро стояла кадровая проблема, наиболее ярко проявившаяся в физико-математических науках, где катастрофически не хватало специалистов высшей квалификации, в особенности докторов наук, способных организовывать и управлять крупными научными коллективами. Невозможность проведения исследований оказывала негативное влияние на материально-техническое и финансовое обеспечение науки, что, в свою очередь, вело к росту отставания от ведущих академических центров.

В начале 1950-х гг. исследования АН БССР фокусировались на проблемах повышения эффективности сельскохозяйственного комплекса республики (Институты социального сельского хозяйства, механизации и электрификации сельского хозяйства, леса, животноводства, мелиорации, водного и болотного хозяйства), вопросах истории и культуры белорусского народа (институты истории, языкознания, литературы и искусства, философии и права). В области естественных и технических наук работали институты химии, биологии, геологических наук, Физико-технический институт, которые являлись комплексными и ведущий профиль, в которых за исключением последнего проявлялся достаточно слабо. Нельзя не согласиться с оценками комиссии академика В. П. Никитина (1953), что исследования, проводимые в Академии наук БССР, значительно отстают от ведущих научных центров Советского Союза, особенно в сфере фундаментальной науки [3].

В 1955 г. ведущие институты власти в СССР актуализировали вопросы развития науки в СССР и ее связи с промышленностью, сельским хозяйством, социальной сферой. Июньский (1955) Пленум ЦК КПСС принял решение о необходимости коренного ускорения научно-технического прогресса (НТП) для того, чтобы наука «превратилась в непосредственную производительную силу».

Основными организационными направлениями политики становятся: совершенствование механизмов управления наукой, модернизация системы организации науки в связи с быстрым количественным ростом научных учреждений, рациональное размещение научных сил, координация и кооперация в НИР [4, с. 13].

Таким образом, Академии наук было необходимо резко интенсифицировать научно-исследовательскую работу, поднять общий теоретический и методологический уровень исследований, обеспечить достойные лабораторные и опытно-экспериментальные условия для выполнения приоритетных задач, а также качественное управление, в короткие сроки решить кадровую проблему, дамокловым мечом давившую с момента создания Белорусской академии наук (1929). Наряду с реализацией стратегии догоняющей модернизации чрезвычайно важным являлось определить

перспективные направления развития науки и техники и сконцентрировать на этих направлениях имевшиеся финансовые, материально-технические и кадровые ресурсы. Необходимым условием для этого становилось развитие стратегического планирования и управления НТП и прогнозирование контуров будущего науки и техники. Говоря шире, Академии наук БССР, было необходимо «запрыгнуть» на гребень второй волны научно-технической революции и достичь положительных результатов по прорывным направлениям (электроника, полупроводники, синтез новых веществ, междисциплинарные исследования, ядерная физика и энергетика). С середины 1950 – до середины 1960-х гг. ставка была сделана на «модернизационную триаду»: физику и точные науки, химию, биологию, причем первый элемент стал драйвером развития академической науки.

Своих научных сил для решения этих задач не хватало. Особенно остро стоял вопрос с кадрами докторов наук, которые способны стать организаторами и руководителями научных коллективов. Ставка, принесшая впоследствии положительные результаты, была сделана на молодых перспективных докторов наук, начавших карьеру в мощных НИИ под руководством ведущих советских ученых. Особое внимание при подборе кандидатур уделялось уроженцам Беларуси. С середины 1950-х гг. в Минск переехали физики А. Н. Севченко, Б. И. Степанов, М. А. Ельяшевич, А. В. Лыков, Н. Н. Сирота, В. П. Северденко, специалист в области ядерной физики А. К. Красин, математики Н. П. Еругин, В. И. Крылов, химики М. М. Павлюченко и Д. А. Супруненко, биологи А. С. Вечер, Н. В. Смольский, геологи Г. В. Богомоллов, К. И. Лукашев, физиолог И. А. Булыгин. Еще с периода эвакуации и восстановительного периода Академии совместно с республиканским ЦК Компартии велась работа по стимулированию переезда в Минск академиков и членов-корреспондентов, избранных в 1930-е гг.

Во второй половине 1940-х гг. в научно-исследовательскую работу и управленческий процесс включились химики Н. Ф. Ермоленко и Б. Ф. Ерофеев, в начале 1960-х гг. изысканиями в области физики неразрушающего контроля начал заниматься академик Н. С. Акулов [5, с. 143]. С другой стороны, нельзя говорить научный прогресс осуществлялся исключительно силами приглашенных исследователей. Например, достойное место среди белорусских академиков заняли биологи Н. Д. Нестерович и И. Д. Юркевич, физик Ф. И. Федоров, становление которых как ученых было тесно связано с академической наукой БССР. Стоит обратить внимание, что в условиях комплексного развития науки значительных результатов могут добиться исключительно научные коллективы, а не отдельные исследователи.

Укрепление кадрового потенциала в области социальных и гуманитарных наук осуществлялось прежде всего за счет местных кадров. Единственным исключением стал академик АН СССР Г. Ф. Александров, работавший в Институте философии АН БССР в 1955–1961 гг. Следует отметить, что к руководству исследованиями по приоритетным направлениям изучения истории и культуры белорусского народа, привлекались специалисты, имевшие значительный опыт административной работы в аппарате республиканских институтов государственной власти. Так, в состав Академии были избраны И. С. Кравченко, К. И. Шабуня (история БССР), К. П. Буслов (философия).

Развитие кадровых, финансовых и материально-технических ресурсов АН БССР позволило повысить качество проводимых научно-исследовательских работ, начать осваивать новые направления исследований, что позволяло создать условия для разработки наиболее перспективных направлений второй волны научно-

технической революции. Однако имевшихся возможностей не хватало для проведения исследований по всему фронту вопросов науки. Поэтому для наиболее эффективного развития Академии наук, с учетом реальных возможностей, определяются приоритеты исследований, усиливается концентрация ресурсов для разработки наиболее важных проблем народного хозяйства.

Такой подход в деле планирования и управления научно-техническим прогрессом позволил избежать рассеивания научных сил, попыток воссоздания уменьшенной копии союзной Академии в БССР, создал предпосылки для формирования неповторимого ландшафта исследовательских программ в академической науке БССР. В 1964 г. комиссия АН СССР, возглавлявшаяся ее Президентом М. В. Келдышем, отмечала, что основными направлениями исследований являются спектроскопия атомов и молекул, изучение основ прочности и пластичности, физика твердого тела и полупроводников, автоматизация производства, ядерная энергетика, исследование вопросов фотосинтеза, теплоэнергетика, проблемы дифференциальных уравнений [6, л. 3–5]. Научная школа академика Б. И. Степанова в области спектроскопии заняла ведущие позиции в СССР (с 1964 г. издавался общесоюзный «Журнал прикладной спектроскопии»), под руководством академика А. К. Красина не только проводились изыскания на атомном реакторе ИРТ-2000, но и началась разработка автономных ядерных энергетических установок (проект «Памир»), а под руководством академика А. В. Лыкова проводились уникальные для СССР исследования в области теплофизики. Рассекреченные архивные документы позволяют сделать вывод о включении институтов физики, ядерной энергетике, твердого тела и полупроводников, тепло- и массообмена в выполнение государственного оборонного заказа и разработку компонентов перспективных вооружений [7].

В течение десятилетия Академия наук БССР прошла сложный, но чрезвычайно плодотворный путь модернизации – от малочисленных лабораторий в области физики до мощного исследовательского института, от идеи «приручения» энергии атома до запуска полноценного исследовательского реактора, от первых шагов в освоении ЭВМ до создания вычислительного центра, от описания флоры и фауны республики до познания законов функционирования живых организмов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академия наук БССР / Н. А. Борисевич [и др.] ; под ред. Н. А. Борисевича. – Минск : Белорус. совет. энцикл., 1979. – 598 с.
2. Отдел редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. В. Ф. Купревича. Оп. 1. Д. 215. Л. 14.
3. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 956. Л. 197.
4. Гвишиани, Дж. Г. Вопросы теории и практики управления и организации науки / Дж. Г. Гвишиани. – М. : Наука, 1975. – 294 с.
5. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 1431. Л. 225.
6. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 1374а. Л. 3–5.
7. ЦНА НАНБ. – Ф. 1ц. Д. 7. Л. 300.

УДК 355.4

П. Ю. ЗЯЛЕВІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Г. І. Пасохіна, канд. гіст. навук, дацэнт

РАЗВІЦЦЁ ЯКУДЗА Ё ПАСЛЯВАЕННЫ ПЕРЫЯД

Перыяд пасля заканчэння Другой сусветнай вайны аж да смерці імператара Сева (1989) быў часам значных пераменаў у Японіі, і з прычыны з’яўлення звязаных з імі новых магчымасцяў і задач арганізаваная злачыннасць таксама выйшла на новы віток развіцця.

У такіх складаных умовах адзінай магчымасцю для выжывання стаў гандаль на чорным рынку. Хуткасць, з якой адбывалася іх развіццё, была велізарнай. 18 жніўня 1945 г., праз тры дні пасля абвешчэння імператарам капітуляцыі, групоўка тэкія “Кантодзу-гумі” ўжо пачала даваць аб’явы ў мясцовых газетах, дзе звярталася да вытворцаў з прапановай аб аптовай закупцы іх прадукцыі.

Такія ж рынкі, кантраляваныя якудза, сталі з’яўляцца па ўсёй Японіі. Усяго толькі праз два месяцы пасля капітуляцыі іх ужо налічвалася каля 17 000. У арганізацыі падобных рынкаў удзельнічалі не толькі тэкія, але і бакута, і гурэнтай – менш вядомыя бандыцкія групоўкі [3, с. 24].

Дзяржава не толькі была не ў стане кантраляваць дзейнасць чорнага рынку, але і нават аказалася залежнай ад паслуг, якія аказвалі якудза. Верхаводы якудза былі афіцыйна прызначанымі зборшчыкамі гандлевых падаткаў у Токіа, і пры гэтым не было магчымасці абараніць прадпрымальнікаў ад незаконнай канфіскацыі дадатковых сродкаў і прадухіліць затрымкі па дастаўцы сабранага ў адпаведныя дзяржаўныя органы. Акрамя таго, афіцыйным указам 1946 г. у рукі тэкія перадаваўся фармальны кантроль над адкрытымі рынкамі ў Токіа [1, с. 321].

Чорныя рынкі ўключалі ў сябе не толькі продаж такіх базавых тавараў, як ежа, харчовы алей і посуд, але і гандаль наркотыкамі – менавіта ў гэты час іх ужыванне дасягнула маштабаў эпідэміі. Першай прычынай гэтаму з’яўлялася тое, што ў час вайны ўрад афіцыйна запусціў вытворчасць амфетаміну (наркотыку, які выступаў у якасці стымулятара нервовай сістэмы) з мэтай павышэння прадуктыўнасці работнікаў і цягавітасці войскаў. Пасля паразы запасы, якія заставаліся, а таксама інструкцыі па вытворчасці амфетаміну хутка трапілі ў рукі якудза. Праз тое, што ўжыванне амфетаміну было афіцыйна легалізавана падчас вайны, у японскім грамадстве не існавала ніякіх забабонаў датычна яго. Акрамя таго, на фоне недахопу прадуктаў харчавання амфетамін дапамагаў справіцца са стомленасцю і стрымаць пачуццё голаду [2, с. 29].

Сярод сяброў груповак гурэнтай была вялікая колькасць карэйцаў, тайванцаў і кітайцаў, якія былі прымусова прывезены ў Японію ў якасці працоўнай сілы на верфі, шахты ды заводы. Прадстаўнікі гэтых трох краін, часта званыя “сангокудзін”, многія гады падвяргаліся жорсткаму абыходжанню з боку японцаў, і многія з іх шукалі магчымасць адпомсціць. Такім чынам непазбежна ўзніклі канфлікты за кантроль над прыбытковымі нелегальнымі рынкамі і часта ператвараліся ў “расавую” барацьбу паміж бандамі, якія складаліся з карэнных японцаў, што лічылі сябе абаронцамі простага люду, і бандытамі-замежнікамі. Прымаючы пад увагу той факт,

што ўдзельнікі гэтых бітваў былі загартаваныя ў баях і мелі доступ да вайсковай зброі, яны ўяўлялі сур'ёзную пагрозу грамадскай бяспецы [2, с. 47].

Адзін з самых маштабных канфліктаў адбыўся ў ліпені 1946 г., калі Мацуда-гумі, якая кіравала рынкам Сінбасі ў Токіа, уступіла ў бой з тайванцамі, якім належалі некаторыя крамы. У сутычцы прынялі ўдзел больш за тысячу сяброў Мацуда-гумі і некалькі сотняў тайванцаў, у фінальнай бітве нават было некалькі ахвяр і 34 параненыя з тайванскага боку.

У 1950-я гг. пачалося адраджэнне японскай эканомікі, што асабліва стала заўважна падчас Карэйскай вайны (1950–1953), калі паўстала значная патрэба ў вытворчасці ваеннага ўзбраення. У рамках эканамічнага буму Дзіму (1955–1956) і эканамічнага буму Іватэ (1959–1960) з'явілася вялікая колькасць запытаў на праектаванне дарог, шматкватэрных жылых дамоў і іншай інфраструктуры. У той жа час вырасла эканамічная актыўнасць і прывяла да павелічэння аб'ёмаў грузавых паставак. Менавіта якудза мелі найбольшы ўплыў у сферы будаўніцтва і сартавання грузаў, і яны атрымалі магчымасць значна ўзбагаціцца [1, с. 155].

Эканамічны рост прывеў да адмірання чорнага рынку, але пры гэтым узбагачэнне людзей выклікала росквіт індустрыі забаў, уключаючы пацінко, агульнадаступныя азартныя гульні, бары, рэстараны ды прастытуцыю. З прычыны гэтага з'явілася значная колькасць магчымасцяў для вымагальніцтва і шантажу [3, с. 38-39].

У гэты перыяд адбылося павелічэнне колькасці груповак якудза. У 1963 г. яна дасягнула найбольшага значэння – 184 091 ўдзельнік у складзе 5216 груповак. З прычыны павелічэння спектра магчымасцяў атрымання прыбытку на рынку ўзмацнілася і канкурэнцыя за кантроль над крыніцамі гэтага прыбытку. Акрамя таго, дадзены перыяд адметны тым, што пачалося зліцце груповак за кошт паглынання або поўнага знішчэння больш уплывовымі і моцнымі больш дробных. У прыватнасці, паліцыяй вылучалася сем асноўных груповак: Ямагуці-гумі, Хонда-кай (пазней Дай Ніпон Хэйва-кай), Суміёсі-кай (Суміёсі-рэнго), Кінсэй-кай (Інагава-кай), Ніпон кокусый-кай, Кекутō-кай і Мацуба-кай [2, с. 51].

Спрабуючы прадухіліць злачынствы, здзяйсняемыя групойкамі баракудан, дзяржава ўвяла шэраг законаў. У 1958 г. было зменена крымінальнае заканадаўства, куды быў унесены раздзел аб абароне сведак, а запалохванне сведак абвяшчалася злачынствам. Акрамя таго, былі больш жорсткімі пакаранні за нашэнне смяротнай зброі (пісталетаў і мячоў), а таксама быў створаны закон, які забараняў узброеныя сходы [1, с. 235].

Аднак прымаючы пад увагу той факт, што да 1963 г. колькасць сутыкненняў паміж групойкамі толькі павялічылася, можна сказаць, што ніякіх змен умяжэнне новых законаў не прынесла [2, с. 44].

У пачатку 1960-х гг. пачаўся грамадскі ціск на паліцыю і ўзмацнілася незадаволенасць людзей пашырэннем сфер уплыву якудза, і дзяржава была вымушана прыняць больш глабальныя меры супраць арганізаванай злачыннасці [3, с. 45]. Алімпійскія гульні ў Токіа (1964) таксама змушалі ўлады як мага хутчэй “ачысціць” сталіцу. Паліцыя планавала выкарыстоўваць стратэгію прыняцця мер на вышэйшым узроўні, якія прадугледжваюць агульнаацыянальныя арышты лідараў груповак. У прыватнасці, таксама былі зроблены спробы ўсталявання кантролю над нелегальнымі спосабамі атрымання прыбытку і незаконным нашэннем агнястрэльнай зброі. У афіцыйных дакладах паказваецца паспяховасць дадзенай кампаніі, бо ў гэты час распаліся многія ўплывовыя групойкі, напрыклад, Суміёсі-кай, Кінсэй-кай, Хонда-кай. Аднак у іх замоўчваюць той факт, што, нягледзячы на распаўсюд асноўных сіндыкатаў, працягвалі існаваць больш дробныя

групоўкі, падуладныя ім, а Суміёсі-кай і Кінсэй-кай былі адноўлены і да сёння з'яўляюцца аднымі з самых буйных і ўплывовых у Японіі [2, с. 56].

Акрамя распаду некаторых груповак і агульнага змяншэння колькасці іх удзельнікаў, стратэгія прыняцця мер супраць кіроўнага складу якудза мела і іншыя, больш нечаканыя наступствы. Паколькі асноўнай мэтай рэпрэсій з'яўляліся найбольш традыцыйныя тыпы злачынстваў, якія здзяйсняліся якудза, напрыклад вымагальніцтва і шантаж, галоўная сіла ўдару прыйшла на дробныя і сярэднія арганізацыі, чый прыбытак цалкам залежаў ад вышэйзгаданых відаў дзейнасці. Вялікім групоўкам, чья дзейнасць была больш разнастайнай, удалося выстаяць у барацьбе супраць паліцэйскіх мер. Больш за тое, лідары буйных груповак здолелі распрацаваць эфектыўную сістэму, што бараніла іх ад судовага пераследу. Гэта сістэма, вядомая як дзенакін, прадугледжвала тое, што верхаводы атрымлівалі прыбытак ад выплат ад сваіх падначаленых у выглядзе абавязковых сяброўскіх унескаў і самі не былі непасрэдна ўцягнутыя ў крымінальную актыўнасць.

Такім чынам, некаторыя буйныя арганізацыі, у прыватнасці Ямагуці-гумі, нават змаглі яшчэ больш узмацніць свае пазіцыі ў гэты перыяд. У той час як агульная колькасць груповак і колькасць удзельнікаў скараціліся, вялікія сіндыкаты распаўсюдзілі свой уплыў на новыя тэрыторыі альбо шляхам паглынання больш слабых банд, альбо шляхам запаўнення ніш, раней займаных бандамі, якія распаліся.

Адпаведна перыяд, які наступаў непасрэдна за эрай паліцэйскіх рэпрэсій, можна ахарактарызаваць як працэс пашырэння, бо некаторыя буйныя групоўкі атрымалі дамінуючыя пазіцыі ў свеце японскай арганізаванай злачыннасці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. David, E. Caplan, AlecDubro. Yakuza: Japan's Criminal Underworld / E. David. – Los Angeles : University of California Press, 2003. – 422 p.
2. Frank, F. Y. Huang, Michael S. Vaughn. A Descriptive Analysis of Japanese Organized Crime: The Boryokudan from 1945 to 1988 / F. Y. Frank // International Criminal Justice Review. – 1992. Vol. 2, iss. 1. – P. 19–57.
3. Цветов, В. Я. Мафия по-японски. / В. Я. Цветов – М. : Политиздат, 1985. – 88 с.

УДК 9.93

О. А. КОТОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Лагуновская, канд. филос. наук, доцент

М. ВЕБЕР О РОЛИ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗВИТИИ ПРОТЕСТАНТСКИХ СТРАН

Немецкий историк, социолог, философ М. Вебер (1864–1920) внес большой вклад в выявление места и роли конфессиональных ценностей в развитии мировоззренческих основ современного мира. Идеи Вебера оказали значительное влияние на развитие современного социогуманитарного знания. В основе научных интересов Вебера находилось исследование процессов рационализации и секуляризации и их влияния на трансформацию общества. На мировом уровне широкое признание получило наследие

М. Вебера о протестантских истоках капитализма как системы хозяйствования. Цель данной статьи – рассмотреть наиболее значимые идеи М. Вебера о месте и роли конфессиональных ценностей в формировании духовно-нравственной основы капиталистического мира, актуальные для современного развития протестантских стран.

Первоначально протестантами называли последователей Мартина Лютера, который, усмотрев противоречия в деятельности римской католической церкви положениям Библии, положил начало новому направлению в христианской религии. К середине XVII в. новое протестантское христианство распространяется уже во многих европейских странах. Кроме того, открытие Америки и активная миссионерская деятельность протестантов, с одной стороны, и нежелание католиков мириться с подобного рода новациями, с другой стороны, стали причинами массового переселения сторонников реформации в другие страны и даже на другие континенты. Наибольшее число сторонников реформации предпочло переезд на новый, еще совсем мало изученный в то время континент – Америку.

М. Вебер после своей поездки в США публикует сначала статью «Протестантские секты и дух капитализма», а в последующем значительно ее раскрывает в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905). По мнению ученого, большинство протестантских христианских деноминаций отличались от православия и католичества более строгими требованиями соблюдать христианские заповеди, протестантов даже называли «монахами в миру». Ведь именно сторонники реформации отличались особыми нравственными качествами, являющимися следствием аскетического воспитания. Сам Вебер высказывает предположение о том, что именно жители стран, в которых протестантская конфессия доминировала, отличаются особыми качествами, необходимыми для торговой и предпринимательской деятельности. Это, в конечном итоге, по мнению исследователя, привело к значительному экономическому превосходству протестантского мира над непротестантским. Исследователь отмечает, что «стремление к предпринимательству», «к наживе» было характерным для абсолютно любой страны во все исторические периоды [1].

Впервые к термину «дух» Вебер обращается в статье «Протестантские секты и дух капитализма». Анализируя роль протестантизма в становлении капитализма, он ввел понятие «дух капитализма», которое характеризовало особый способ ведения хозяйственной деятельности. Вебер утверждал, что развитию «духа капитализма» способствовала протестантская этика. Для описания вышеупомянутого «духа» в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер цитирует некий документ, содержание которого, по мнению ученого, отражает такой «дух». Основные положения анализируемого документа: «Помни, что время – деньги», «Кредит – деньги», «Деньги по природе своей плодотворны и способны порождать новые деньги» – являются своего рода повседневными правилами поведения человека, обладающего «духом капитализма» [2]. Именно на западе в тех странах, которые условно называются «протестантскими», появляется, как считает ученый, особый дух, названный им «капиталистическим». Отличие такого «духа», по мнению ученого, заключается в том, что лица, им обладающие, стремясь к получению как можно большего материального (в первую очередь денежного) дохода, не надеются тем самым реализовать свои жизненные потребности, повысить комфортность проживания и собственную обеспеченность.

Необходимо отметить сходство протестантской и старообрядческой этики. Макс Вебер отмечает, что в начале XX в. в США принадлежность к определенной протестантской конфессии определяла деловой успех человека, т. к. та оказывала активную помощь и поддержку своим приверженцам. Религиозная этика работников старообрядче-

ского предприятия требовала от них высококачественного исполнения своих трудовых обязанностей. В свою очередь, руководители этих предприятий, также будучи староверами, вынуждены были считаться с мнением старообрядческой общины, в том числе в вопросах отношения к наемным работникам. В случае возникновения материальных проблем, не зависящих от самого человека, как в старообрядчестве, так и в протестантизме, такому верующему приходила на помощь вся община. Вебер отмечал, что в США община могла дать поручительство за своего члена, оказать ему денежную помощь. Последний при этом не был скован юридическими обязательствами и мог отдать долг по мере улучшения своего материального состояния.

Рассматривая влияние протестантских конфессий на развитие предпринимательской деятельности, следует учитывать не только факт появления некоего «духа капитализма» (совокупности высших духовных ценностей, следование которым на практике выдвигает за собой ряд нравственных принципов, воплощенных в конкретных действиях в экономической сфере) как отражения христианской этики протестантов. Необходимо также принять во внимание и те социальные изменения, которые были продиктованы распространением протестантизма. К ним в первую очередь относится повседневное поведение человека, ориентированное на библейские принципы. Сама культура, правила и принципы должного поведения человека в обществе определяли мировоззрение человека, его цели и ценностные установки в жизни, круг общения, особенности отношения к окружающим, в том числе незнакомым людям. Безусловно, было бы ошибкой утверждать, что абсолютно все американцы или абсолютно все люди, исповедующие протестантскую религию, были более успешными с точки зрения их трудовой деятельности в сравнении с приверженцами других религиозных конфессий. Однако, как следует из трудов Макса Вебера, именно американцы и представители протестантских общин в большинстве своем были более предрасположены к развитию анализируемого «капиталистического духа» в отличие от всех остальных народов и приверженцев других религий. Описание трудовых ценностей протестантов Вебер начинает с анализа некоего документа, отражающего, по его мнению, «дух капитализма». Согласно этому документу пустая трата времени равносильна потере денег, невозвращенный в срок займ оборачивается для займодавца потерей всех тех процентов, которые бы он мог получить, вложив данные займы деньги, а главным предназначением денег является увеличение их количества. Большое внимание необходимо уделять точному подсчету своих доходов и расходов. Макс Вебер ссылается на Бенджамина Франклина, мировоззрение которого, по мнению социолога, как раз соответствует вышеизложенным принципам. Вебер всячески показывает, что трудовые ценности, воспитанные в гражданах, исповедующих протестантскую религию, мотивируют их к качественному исполнению своих трудовых обязанностей. А это, в свою очередь, способствует доверию к человеку как к деловому партнеру, из чего следует коммерческий успех, накопление капитала, а самое главное – пробуждение в человеке особого «духа». По мнению Вебера, наибольшее развитие такой «дух» получает именно в США. Ученый проводит анализ и латиноамериканских стран, в которых он выявляет следующую тенденцию: смена человеком католического вероисповедания протестантским непременно способствует повышению уровня его доходов. Так, по мнению исследователя, во всех американцах с самого рождения воспитывается ценность труда, упорного и старательного, как самого необходимого для достижения жизненных целей и удовлетворения собственных потребностей. В настоящее время тенденция такая: изменяются не только ценности тех американцев, которые уходят из протестантизма в католичество, но даже среди тех, кто исповедует протестантское христианство, наблюдается значительное снижение влияния религии на повседневную жизнь.

Особенностью протестантских сект, как пишет Вебер, являлось воспитание и отбор определенных человеческих качеств. Социолог не раскрывает, какие именно качества считались необходимыми, однако утверждает, что они имели большое значение для развития «духа капитализма». Кроме того, каждый член секты постоянно и многократно подтверждал наличие у себя подобных качеств перед своей общиной. Вебер, анализируя различия протестантских церквей и сект, выделяет следующую особенность: в церкви человек стремился к утверждению своей избранности перед Богом, а в секте – «перед людьми» – членами секты. Именно утверждение своей «избранности перед людьми», характерное для протестантских сект, явилось основой жизненного и делового поведения их адептов и определяло характер взаимоотношений с другими людьми, в том числе в деловой сфере.

Важно понимать, что Вебер не считал, что принятие человеком протестантизма делало его хорошим предпринимателем, но точно то, что протестанты имели свод строгих правил, значительно отличались от представителей других конфессий своей религиозностью (совокупностью проявленной личной веры в конкретных делах и поступках человека, принадлежностью к определенной общине), аскетическим образом жизни и воспитанием, которое приводило к развитию у них особого подхода к труду, что в конечном счете способствовало успехам в предпринимательской деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма [Электронный ресурс] / М. Вебер. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3637>. – Дата доступа: 11.04.2022.
2. Вебер, М. Протестантские секты и дух капитализма [Электронный ресурс] / М. Вебер. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3636>. – Дата доступа: 13.04.2022.

УДК 930.85

О. Д. КУЗЬНЯК, А. А. КУНАШКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Лагуновская, канд. филос. наук, доцент

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В настоящее время история человечества характеризуется развитием нового типа общества: постиндустриального, принципиальное отличие которого заключается в том, что главной ценностью становится не земля и не капитал, а знание; основным товаром является информация. В результате научно-технического прогресса и возросших доходов населения в экономике постиндустриального общества произошел переход от преимущественного выпуска товаров к производству услуг. Наиболее развитые страны перешли к этапу постиндустриализма в середине XX в., в большинстве государств данный процесс начался уже в XX в., однако некоторые государства находятся на стадии доиндустриального общества. Информационные ресурсы и накопленные знания являются основным средством производства в постиндустриальном обществе, его экономика развивается благодаря научным разработкам, высокому уровню образования, профессионализму и креативности населения. Многие высокоразвитые страны переходят от индустриального общества к информационному

через технологические инновации. Информатизация общества является социотехническим процессом, в котором социальные и технические компоненты взаимосвязаны и взаимовлияют друг на друга.

Социальная инновация – сознательно организуемое нововведение или новый феномен в практике социальной работы, формирующееся на определенном этапе развития общества в соответствии с изменившимися социальными условиями и нацеленное на эффективность и оптимизацию системных преобразований социальной сферы. Термин «инновация» впервые появился в научных исследованиях культуры и культурной антропологии в XIX в. и понимал под собой введение компонентов одной культуры в другую. В начале XX в. возникла инноватика – наука о нововведениях, в рамках которой стали изучаться закономерности технических нововведений в сфере материального производства. Инновации были объектом изучения экономических наук и исследовались как способ увеличения экономических прибылей достаточно долго. В предметной области социальных наук, в частности социологии, термин инновация стал употребляться достаточно давно, однако исследования, посвященные данной проблематике, имели отрывочный и несистематический характер [1].

В конце 1990-х гг. концепция организационных инноваций развернулась в новом направлении изучения исследовательских организаций, где инновации рассматривались как научное или технологическое открытие или прогресс в идеях. Журнал Science публикует наиболее цитируемые статьи по конкретным специальностям науки. Еще один способ измерить радикальный прогресс в науке – это либо присуждение крупной премии, например, Нобелевской или Филдовой, либо с учетом ряда результатов исследований создание новой системы мышления, обычно новой научной специальности или узкой специальности, институциональной инновации. Примером дальнейшего развития такой науки как социология является создание нового отдела в Американской социологической ассоциации [2].

Одна из проблем, с которыми сталкиваются ученые и исследователи в области гуманитарных и социальных наук, заключается в том, что политики и другие лица не рассматривают эти области как факторы, способствующие созданию стабильного и процветающего постиндустриального общества. Хотя ученые часто чувствуют себя недооцененными, призывов к массовому финансированию науки и образования не ожидается. В некоторых странах сокращение финансирования данных сфер проявляется на все более высоких уровнях. Например, в Японии письмо министра образования призвало университеты предпринять «активные шаги по отмене [этих программ]», что привело к изменениям программ почти в половине (26 из 60) всех японских университетов. При этом, несмотря на то что специалисты в области гуманитарных и социальных наук заявляют о необходимости и важной роли в современном образовании сокращенных дисциплин как важнейшей части инновационной системы проблема остается не решенной [3].

Еще одной проблемой является нахождение подходящей системы измерения для создания стоимости. Принятие инноваций часто было популярной мерой, однако она имеет серьезные ограничения. Данный процесс предполагает отслеживание пути распространения инновации через различных людей, домохозяйства и фирмы до тех пор, пока она полностью не распространится на население. Хотя внедрение имеет решающее значение в таких областях, как маркетинг и продажи, это лишь один из необходимых шагов в инновационном процессе. Определение ценности происходит позже, в первую очередь когда что-то новое (инновация) перестает быть новым. Результаты процесса внедрения определяют степень успешности извлечения ценности [3].

В научной литературе наблюдается разнообразие классификаций инноваций, что зависит от множества критериев, оснований, целей и задач их исследования. Если в качестве основы классификации принимают масштабы вызываемых последствий, то выделяют

стратегические и текущие инновации. Выделяют также технические, технологические, организационно-управленческие, информационные и социальные инновации.

В Беларуси основным видом инновационной деятельности для большинства инновационно активных предприятий (64 %) является приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями. Выполнением исследований, проектированием и другими видами подготовки производства для выпуска новых продуктов и разработок в стране занимается 51 % инновационных предприятий, 39,7 % – осуществляют производство новых продуктов. Статистика демонстрирует, что более 75 % исследовательского потенциала сосредоточено в г. Минске, около 25 % – в областях Республики Беларусь, главным образом в областных центрах. За г. Минском по размеру располагаемого научно-технического потенциала следует Гомельская область – около 10 % [4].

Поскольку путь к инновационной восприимчивости лежит через систему образования и технологическую грамотность общества, необходимо увеличение финансирования науки, среднего и высшего образования; развитие интеллектуального ресурса страны посредством реформирования образования; создание новой интеллектуальной атмосферы в обществе; формирование интеллектуальной элиты, способной в будущем взять на себя ответственность за развитие страны. Главным фактором, препятствующим инновациям, специалисты считают недостаток собственных средств. Важными факторами, сдерживающими инновационную деятельность, являются слабая финансовая поддержка со стороны государства, высокая стоимость нововведений, низкий инновационный потенциал организаций, невосприимчивость предприятий к нововведениям, высокий экономический риск, недостаток квалифицированного персонала и информированности о новых технологиях и рынках сбыта, недостаточная законодательная и нормативно-правовая база, неразвитость инновационной структуры и рынков технологий [1].

Несмотря на очевидный прогресс, достигнутый в исследовании инноваций, в данной области остается ряд нерешенных проблем. Одной из основных данных методологических проблем является то, что имеющиеся концепции инноваций часто носят фрагментарный характер. С другой стороны, инновация является настолько комплексным, многомерным феноменом, что существующие определения и подходы к ее изучению не просто расходятся в определении предмета исследования, постановке задач и выборе методов, но зачастую даже противоречат друг другу. На сегодняшний момент в современной науке не существует такой концепции инноваций, которая бы четко и всесторонне описывала полный набор ее сущностных характеристик, свойств и признаков, раскрывала ее природу, исследовала условия, факторы и механизмы возникновения и закрепления инноваций в социальных практиках, а также препятствия их усвоения и т. д. В связи с этим существует актуальная научная и социальная потребность в выработке комплексного, интегративного подхода к исследованию инноваций в обществе [1].

Последнее десятилетие XX в. обозначило некоторые тенденции дальнейшего развития научной сферы. Особенность современного периода состоит в том, что наиболее важные приоритеты научно-технического и социального развития все больше связываются не с грандиозными, дорогостоящими проектами, а с долгосрочной кропотливой работой по укреплению абсолютно всех звеньев национальных инновационных систем – в экономике и информационной сфере. Эти элементы в совокупности формируют жизнеспособную систему научно-технического развития [4].

Социальные инновации играют очень важную роль в развитии как общества и мира в целом, так и в развитии социально-гуманитарного знания. Но даже в таких обстоятельствах находятся проблемы, которые не позволяют прогрессу идти вперед: недостаток финансирования, человеческий фактор с его нежеланием развиваться в этом направле-

нии или недалёковидность руководства, не осознающего выгоды для производства. Только после решения всех этих вопросов возможно продвижение социальных инноваций во всех сферах общества. В процессе решения данных проблем предстоит проделать много кропотливой и долгой работы, но в итоге это приведет к повышению производительности предприятий при условии внедрения новейших научных разработок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кройтор, С. Н. Социологическое исследование инноваций, основные категории и уровни анализа [Electronic resource] / С. Н. Кройтор. – Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskoe-issledovanie-innovatsiy-osnovnye-kategorii-i-urovni-analiza/viewer>. – Date of access: 05.04.2022.
2. Hage, J. Sociology of Innovation / J. Hage // Wiley Online Library [Electronic resource]. – Mode of access: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781405165518.wbeos0725>. – Date of access: 13.04.2022.
3. Linton, J. Quiet Contributors: The Role of the Arts, Humanities and Social Sciences in Innovation [Electronic resource] / J. Linton – Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/quiet-contributors-the-role-of-the-arts-humanities-and-social-sciences-in-innovation/viewer>. – Date of access: 15.04.2022.
4. Алёхин, Д. И. Современное состояние и развитие регионального научно-инновационного потенциала Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Д. И. Алёхин – Режим доступа: http://belisa.org.by/ru/print/?brief=art4_8_2008. – Дата доступа: 15.04.2022.

УДК 930+94(476+438)«1919/1939»

Б. Г. КУЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. А. Савич, канд. ист. наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА НАЛОГОВУЮ СИСТЕМУ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ «ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ»)

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. значительная часть белорусских земель отходила Польскому государству. Но уже 4 февраля 1921 г. в Польше был принят закон о подчинении земель Западной Беларуси центральным органам власти Польской республики [1, с. 84].

Конституция Польши 1921 г. не давала право на создание широких автономных образований. Там лишь упоминаются «автономные союзы меньшинств» в границах союзов территориального самоуправления. При этом данные автономные союзы ставились под двойной контроль – как органов местного самоуправления, так и государственных. Кроме того, не были урегулированы их компетенции [1, с. 85–86].

Таким образом, Польская республика с самого начала своего существования строилась как унитарное государство, в котором не могло быть автономии для белорусов. Именно поэтому для объективного изучения истории Западной Беларуси необходимо понимать процессы и явления, характерные для всего Польского государства межвоенного периода (1919–1939 гг.).

Включение западнобелорусских земель в состав Польской республики сопровождалось массой негативных явлений: разрыв экономических связей с Россией, использование Западной Беларуси как аграрно-сырьевого придатка Польши [2, с. 352–353], масса негативных явлений в сельском хозяйстве [2, с. 357–358]. Было характерно широкое распространение политики национальной и государственной ассимиляции [2, с. 369–374].

Как видно, значительная часть описанных явлений связана с экономической сферой. Другие же требовали значительного государственного финансирования. Так, до конца 1930-х гг. на территории Западной Беларуси фактически было ликвидировано белорусскоязычное школьное образование [2, с. 372–373, 423]. Однако для политики полонизации необходимо было создать эффективную систему школ польских, что так и не было завершено [2, с. 373]. Значительная часть крестьянских и рабочих детей не могла закончить даже начальную польскоязычную школу [2, с. 423].

Возникает вопрос: что существенно влияет на экономическую сферу общества и финансирование государственных задач? Одним из ответов на данный вопрос будет налоговая политика, «составная часть социально-экономической политики государства, ориентированная на создание такой налоговой системы, которая должна стимулировать накопление и рациональное использование национального богатства страны, способствовать гармонизации интересов экономики и общества и тем самым обеспечить социально-экономический прогресс общества» [3].

Как отмечают современные исследователи, в зависимости от состояния экономики и от целей всей государственной политики могут использоваться различные формы осуществления налоговой политики: политика максимальных налогов (для периодов войн и кризисов), политика экономического развития (поддержка предпринимательства при сокращении социальных расходов) и политика разумных налогов [3].

Важно отметить роль налогов в доходах бюджета Польши. Так, доля прямых налогов в объеме бюджета составляла от 25 % в 1920-х гг. до 39 % в конце 1930-х гг. Еще около 30 % доходов составляли монополии государства на алкоголь, табачные изделия, соль и лотереи [4, с. 325]. Таким образом, изучение налоговой политики представляется крайне важным для понимания общественной и социально-экономической политики государства на территории Западной Беларуси.

В данной статье мы решили остановиться на книге Анджея Езерского и Сесилии Лещинской «Хозяйственная история Польши». На это есть несколько причин. Во-первых, авторы являются одними из ведущих специалистов в сфере экономической истории Польши. Во-вторых, по словам авторов книги, «целью было показать процессы развития и изменений в экономике, особенно цепочки причинно-следственных явлений во взаимоотношения экономики, государства и общества». Более того, авторы применили новый подход к экономической истории Польши – расширенное описание государства, его строя и общества [4, с. 13–14]. В-третьих, на наш взгляд, это одна из самых популярных и доступных книг по данной теме в Польше, особенно у студентов.

«Хозяйственная история Польши» состоит из 11 разделов. Польской республике посвящен раздел 8 «Речь Посполитая в 1918-1939 годах». В свою очередь, раздел имеет 9 подразделов, которые описывают государственное устройство, общество, конъюнктуру развития экономики и хозяйственную политику, сельское хозяйство и промышленность и т. д. Налоговая политика непосредственно рассматривается в подразделе «Государственные финансы». Также данная тема затрагивается в подразделе «Конъюнктура и хозяйственная политика».

Подраздел «Государственные финансы» делится на три пункта: «Скарб и бюджет государства», «Финансы самоуправления» и «Налоговая нагрузка на население».

Раздел 8 богат на фактологический материал, который обобщен с помощью карты, графика и многочисленных таблиц. Авторы активно ссылаются на историографию периода Польской Народной Республики, в том числе и на ранние работы А. Езерского.

Благодаря новому подходу, который упоминают авторы, любой подраздел легко сопоставить с фактами из других частей раздела. Например, на основе расчета налоговой нагрузки в 1928/1929 финансовом году на одного жителя Польши и сравнения с аналогичными показателями стран Европы и США делается вывод, что только в Болгарии и Югославии налоговая нагрузка на население была меньше. В других странах этот показатель составлял от 170 % относительно нагрузки в Польше (Швейцария) до 400 % (Франция) и даже 900 % (Великобритания) [4, s. 331].

Однако материал самой книги позволяют понять, что данные цифры весьма относительны. Рассмотрим сельское хозяйство, с которым было связано более 61 % населения [4, s. 248]. Так, уровень цен на продукцию сельхозпроизводителей – от которых зависел их доход, в 1938 г. составлял только 43 % от уровня цен 1928 г. С 1932 г. уровень цен на сельскохозяйственную продукцию уже не мог превысить 50 % от уровня цен 1928 г. [4, s. 272]. Что касается западнобелорусских земель, то если в первом квартале 1929 г. в Кобрине рожь продавалась по 35 злотых (зл.) за центнер, то в апреле 1934 г. только 10. Значительное падение цен наблюдалось и на другую сельхозпродукцию: пшеница с 50 зл./ц. подешевела до 16, картофель – с 13 зл/ц до 3, десяток яиц – с примерно 2 зл. до 0,4, кг сливочного масла – с 7 зл. до 2, свинина – с 2,4 зл. за кг до 1 зл. [5, л. 29; 6, л. 9].

Средний показатель общей доходности с 1 га земли (доход, который получает хозяин, финансовые органы, наемные работники и др.) в 1927–1930-е гг. в Польше был заметно меньше развитых стран Европы [4, s. 272].

Несмотря на невысокую налоговую нагрузку относительно других стран, польские государственные финансы сталкивались с проблемой задолженности в сфере прямых налогов. Так, в 1928/1929 финансовом году, по которому и делались упомянутые расчеты нагрузки, задолженность составляла 414 млн зл. В 1934/1935 году сумма задолженности была уже 820 млн зл. [4, s. 325].

Таким образом, приведенные факты говорят о том, что налоговая политика в Польской республике не могла содействовать цели устойчивого развития. С другой стороны, налоговая политика зависит от политики государства. Для демонстрации этого авторы приводят соотношение валового внутреннего продукта (ВВП) и расходов государственного бюджета. Так, в 1929 г. расходы госбюджета составили 3 млрд злотых (11,5 % от ВВП). В конце 1930-х гг. расходы бюджета составляли около 14 % от ВВП. А в 1933 г. этот показатель составлял всего 2 %. По мнению исследователей, это было связано с низкой способностью платить налоги из-за небольшого уровня производственных доходов (особенно в сельском хозяйстве). Кроме того, авторы утверждают, что государство не выделяло значительных средств на охрану здоровья и другие социальные расходы, а перераспределение доходов через налоги было слабым – что и приводило к низкой доле государственных расходов относительно ВВП [4, s. 328–329]. Здесь мы видим еще одну причину того, почему низкую налоговую нагрузку нельзя считать безусловным благом.

В заключение следует отметить, что помимо богатой фактуры книга «Хозяйственная история Польши», касаемо межвоенного периода, весьма объективна: описываются не только недостатки, но и успехи в экономической политике. Делается поправка на внешние обстоятельства, влияющие на хозяйство Польши. Благодаря этой книге очень просто рассмотреть налоговую политику в контексте не только экономики, но и в контексте

всей истории Польши того периода. Считаем, что такой подход сможет помочь при создании новых исследований по истории Западной Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитрук, Е. П. Рижский мирный договор и политический режим в Западной Беларуси в составе Речи Посполитой Польши [Электронный ресурс] // Акты и материалы по теме: «Воссоединение Западной Беларуси с Белорусской ССР в начале Второй Мировой войны». – 2011. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/Qw5zpY>. – Дата доступа: 24.03.2022.
2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.] / Беларусь у 1917–1945 гг. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 5. – 613 с.
3. Дементьева, Н. М. Налоговая политика государства) [Электронный ресурс] // Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ). – 2009. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/yONJR7>. – Дата доступа: 12.03.2022.
4. Jezierski A., Historia gospodarcza Polski. / A. Jezierski, C. Leszczyńska. – Warszawa : Key Text, 1999.
5. Протокол заседания комиссии по исследованию рыночных цен на продукты и сведения о ценах. 1929 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 50. Оп. 1. Д. 1931.
6. Прейскурант цен на продукты, обувь, мануфактуру и другие предметы первой необходимости. 1934 г. // ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 6235.

УДК 94 (476)«1939/1941»

А. А. МОРДВИЛКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – В. В. Зданович, д-р. ист. наук, профессор

ПРОБЛЕМА ПРЕБЫВАНИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ЕВРЕЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ ОСЕНЬЮ–ЗИМОЙ 1939 Г.

Приграничное расположение г. Бреста во многом определило его историческое развитие. Политические события 1939 г. не могли не повлиять на обстановку в городе, жизнь горожан. В начале сентября 1939 г. население Брест-Литовска столкнулось с беженцами из западных районов Польши, которые спасались от войны. Их активное перемещение на восток страны продолжалось вплоть до конца сентября 1939 г., т. е. до демаркации границы между СССР и Германией. Первоначально значительная часть беженцев не предполагала, что на «кресах восточных» будет провозглашена советская власть, в их планы не входило долговременное пребывание вдалеке от родных мест. Однако с установлением германской власти в Польше беженство стало приобретать более осознанный характер. По разным оценкам историков, по национальному составу от 60 до 84 % беженцев были евреями [1].

В первые недели после вхождения западных областей Беларуси в состав БССР, значительно увеличилось количество людей, прибывающих в город с территории Польши. Это было связано и с лояльным отношением многих евреев к советской власти. В сентябре прием беженцев в Бресте носил стихийный характер, посильную помощь им оказывали Красный Крест и комитет помощи беженца.

Анализ документальных источников указанного периода говорит о том, что местная администрация оказалась не готова к постоянно увеличивающемуся наплыву беженцев. С начала октября временные управления остро ставили вопрос о необходимости ввести специальные меры для упорядочения положения беженцев, заняться организацией их движения. 9 октября 1939 г. постановлением Временного управления Полесской области была создана комиссия по учету и размещению беженцев [2, л. 7]. Также в октябре 1939 г. советским руководством было принято решение о распределении данной категории граждан на территории БССР, для чего была создана правительственная комиссия во главе с И. Гориным. Она разработала и представила в СНК БССР план, который предполагал «разгрузить» от беженцев крупные города. В восемь населенных пунктов (Белосток, Брест-Литовск, Гродно, Барановичи, Пинск, Лида, Молодечно, Слоним), где количество беженцев достигло значительных масштабов, высылались особоуполномоченные в сопровождении двух помощников. Эти «тройки» должны были производить учет беженцев, решать вопросы размещения и трудоустройства, заниматься их отправкой в восточные области БССР. Важно, что выезд беженцев был добровольным. Однако по прибытии в восточные области БССР евреи часто сталкивались с неприятием их со стороны местных жителей, с проявлениями антисимитизма [3, с. 228–229]. Предоставить им работу согласно их специальности, было крайне сложно, а работать не по специальности евреи отказывались [4, л. 76]. По этим причинам они возвращались в приграничные города с настроениями выехать обратно на территорию Польши.

Несмотря на попытки урегулировать ситуацию с прибывающими беженцами, полностью остановить этот процесс было невозможно. Участились случаи нелегального перехода через границу. 24 октября 1939 г. около 700 беженцев, в основном женщины и дети, с криками «Бейте нас, но обратно мы не пойдем», пытались перейти советскую границу [5, л. 219]. Уже к октябрю 1939 г. в приграничных районах западной Беларуси находились тысячи беженцев.

По данным временного управления г. Бреста на 25 октября 1939 г. в городе находилось 1000 беженцев [5, л. 219]. На начало ноября 1939 г. число беженцев достигало около 2 000, т. е. за неделю их количество увеличилось в два раза [4, л. 237]. Еще в начале октября в Западную Беларусь и Западную Украину были разосланы указания с требованием прекратить отправку беженцев в Брест, т. к. размещать их было негде [2, л. 7]. Однако их все равно продолжали отправлять, вследствие чего к зиме в городе сложится очень непростая обстановка. Сложнее было только в Белостоке, в котором зимой 1939 г. было зарегистрировано 25 000 беженцев [4, л. 235].

В Брест-Литовске регистрация выезжающих граждан началась с ноября, однако многие от нее отказывались, надеясь на скорый выезд за границу СССР и боясь, что после регистрации это станет невозможным. Именно поэтому многие исследователи отмечают, что количество беженцев, указанных в советских документах, не соответствует действительности, т. к. многие просто не были зарегистрированы.

В декабре 1939 г. И. Горин лично побывал в Брест-Литовске и установил, что здесь скопилось около 4 500 беженцев [4, л. 239]. Такое значительное увеличение было связано с распространившимися слухами о том, что возле Брест-Литовска будет организовано пять пунктов для отправки беженцев в Германию. Именно поэтому сюда прибывали евреи со всех западных областей БССР и УССР, которые успели разочароваться в советской власти и желали выехать обратно [2, л. 7]. Однако поскольку Германия со своей стороны, не предпринимала никаких действий, чтобы решить вопрос с еврейски-

ми беженцами, т. к. принимала к себе только немцев, их предстояло разместить в городе, что являлось для местных властей большой проблемой [6, с. 73].

Под размещение беженцев использовали кинотеатр, частные свободные квартиры и другие помещения, не занятые жильцами и учреждениями. Места жительства беженцев необходимо было обеспечить топливом, организовать санитарную обработку перед размещением их по квартирам. Для этого непосредственно в вагонах были организованы душевые установки, использовались городские бани, душевые установки санстанции [2, л. 12]. В целом проблема санитарного состояния в Бресте стояла очень остро. Населения столкнулось со вспышками сыпного и брюшного тифа, скарлатины, дифтерии и другими инфекционными заболеваниями [7, л. 274–275]. Еще в октябре 1939 г. в целях предупреждения распространения эпидемических инфекционных заболеваний было принято постановление о проведении ряда санитарно-эпидемических мероприятий. Несмотря на это перенасыщенность города беженцами только способствовала распространению инфекционных заболеваний [4, л. 211, 214].

Необходимо отметить, что большую помощь еврейским беженцам оказывало местное еврейское население. Многие бесплатно размещали их в своих квартирах, особенно жалели детей. Еврейские общины оказывали материальную помощь, организовывали сбор средств, одежды, еды.

Помимо размещения, беженцам предоставлялись единовременные пособия, сумма которых зависела от количества человек в семье. Например, согласно ведомостям финансового отдела Временного управления г. Брест-Литовска на выдачу пособий беженцам, пособие на семью из 3 человек составляло 10 рублей (стоимость 1 кг соли на ноябрь 1939 г. – 2–4 руб.). За декабрь 1939 г. беженцам, находившимся в г. Бресте, было выдано пособий на сумму 1090 руб. [8, л. 4]. Всего же для оказания материальной помощи беженцам городу временным комитетом Западной Беларуси были выделены специальные ассигнования в размере 65 000 руб. Для сравнения, Пинску было выделено 20 000 руб., Барановичам, Гродно, Молодечно – 25 000 руб., Лиде и Слониму – 15 000 руб. [4, л. 237]. Из этого следует, что в Бресте, по сравнению с другими городами, сложилась очень сложная ситуация. Несмотря на попытки местных органов власти трудоустроить, обеспечить жильем прибывающий контингент, в городе наблюдались ухудшение криминогенной обстановки (спекуляция, валютные операции, контрабанда, воровство), обострение экономической ситуации (увеличение дефицита товаров, значительный рост цен) [1]. На этом фоне росли антисемитские настроения.

В декабре 1939 г., по разным оценкам историков, на территории западных областей Беларуси находилось около 120 000 беженцев [3]. В г. Бресте к концу 1939 г. – 10 000. Из них 5 916 были отправлены в восточные области БССР, 4 084 осталось в Бресте. По состоянию на 5 февраля 1940 г. число беженцев в Брестской области составляло 10 676 человек, из них только 4722 человека были трудоустроены [9, л. 8].

Таким образом, к 1940 г. ситуация с беженцами в Брест-Литовске, как и в целом в западно-белорусском регионе, была крайне затруднительной: многие из них не были трудоустроены, не имели постоянного жилья и в целом осложняли и так непростую обстановку в городе. В связи с этим в марте 1940 г. советское руководство примет решение о депортации беженцев в Казахскую ССР. Однако выселение пройдет только в июне 1940 г. Изучение вопросов, связанных с этой депортацией, требует отдельного внимания и имеет ряд трудностей. Некоторые историки в целом ставят вопрос о правомерности применения термина «депортация» в отношении политики советской власти по принудительному переселению беженцев в отдаленные районы СССР [1]. Также в фокусе исследователей остаются воспоминания евреев-беженцев, западнобе-

лорусскага населення, які дазваляюць паглядзець на праблему з розных бакоў, даследаваць яе больш старанна і аб'ектыўна.

СПИСОК ІСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розенблат, Е. С. «Чуждый элемент»: Еврейские беженцы в Западной Белоруссии глазами советской власти. 1939–1941 гг. [Электронный ресурс] / Е. С. Розенблат // Уроки Холокоста: история и современность. – Режим доступа: <http://jewishfreedom.org/page442.-htm>. – Дата доступа: 04.04.2022.
2. Государственный архив Бретской области (ГАБО). – Ф. 292. Оп. 1. Д. 5а. Л. 67.
3. Толочко, Д. М. Беженцы из Польши в БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) / Д. М. Толочко // Берасцейскі хранограф : зб. навук. прац. – Брэст, 2004. – Вып. 4. – С. 218.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14728. Л. 262.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14495. Л. 358.
6. Карпенкина, Я. В. Советизация еврейского населения Западной Белоруссии (1939–1941 гг.). : дис... канд. ист. наук / Я. В. Карпенкина ; НИУ «ВШЭ». – М., 2018 – 259 л.
7. НАРБ – Ф. 34. – Оп. 1. Д. 971. Л. 624.
8. ГАБО – Ф. 291. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.
9. НАРБ – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16946. Л. 13.

УДК 930

С. А. ПАШАЛЮК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – У. У. Здановіч, д-р. гіст. навук, прафесар

СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЕ АГРАГАРАДКОЎ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЕ-БЕЛАРУСКАГА ПАЛЕССЯ: КРЫНІЦЫ І ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

З кожным годам усё больш востра ў Рэспубліцы Беларусь стаіць пытанне аб памяншэнні колькасці сельскага насельніцтва і, як вынік, памяншэнні колькасці сельскіх населеных пунктаў. Для вырашэння гэтай праблемы ў рэспубліцы была прынятая Дзяржаўная праграма адраджэння і развіцця вёскі на 2005–2010 гады [1]. Важным складнікам аграпрамысловага комплексу рэспублікі з'яўляюцца новыя тыпы сельскіх населеных пунктаў – аграгарадкі. Аграгарадкі ўяўляюць сабой узорныя ва ўсіх адносінах паселішчы, і іх колькасць раўнамерна размеркавана па рэгіёнах рэспублікі [6, с. 5]. Тэма аграгарадкоў усё больш цікавіць даследчыкаў як новы тып сельскіх паселішчаў, які знаходзіцца на асаблівым кантролі Прэзідэнта. Комплекс крыніц, выкарыстаных у ходзе даследавання тэмы станаўлення і развіцця аграгарадкоў на тэрыторыі Заходне-Беларускага Палесся, можна, хоць і ўмоўна, падзяліць на пяць груп.

Да першай групы адносяцца візуальна ўспрымаемыя элементы аб'ёмна-планіровачнай структуры: архітэктурныя комплексы і асобныя помнікі манументальнай архітэктурны. Прыкладам з'яўляюцца будынкі, якія сталі будаваць для працаўнікоў аграгарадкоў, што мелі патрэбу ў паляпшэнні жыллёвых умоў.

Другая група ўключае ў сябе разнастайныя справаводчыя крыніцы: пратаколы, загады, распараджэнні, прашэнні, рэзалюцыі, пастановы, праграмы, рашэнні.

У прыватнасці, «Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы», «Постановление Совета Министров Республики Беларусь 1 февраля 2021 г. № 59 О Государственной программе “Аграрный бизнес” на 2021–2025 годы» [4], «Программа по выполнению показателей государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 гг. в Брестской области» [5], «Государственная программа реформирования АПК Республики Беларусь: Основные направления [6], Решение Столинского районного Совета депутатов от 20.01.2011 № 44 “О преобразовании некоторых населенных пунктов Столинского района в агрогородки”» [7], Решение Пинского районного Совета депутатов 29 февраля 2008 г. № 11-01 9/39386 (21.03.2011) «О преобразовании сельских населенных пунктов Пинского района в агрогородки» [8], Решение Ивановского районного совета депутатов (21 сентября 2010 г. № 17) «О преобразовании сельских населенных пунктов Ивановского района в агрогородки» [9], Решение Лунинецкого районного совета депутатов (10 марта 2009 г. № 125) «О преобразовании сельских населенных пунктов Лунинецкого района в агрогородки» [10]. Асноўнымі крыніцамі, якія адносяцца да дадзенай групы і адлюстроўваюць розныя аспекты станаўлення і развіцця аграгарадкоў Заходне-Беларускага Палесся, з’яўляюцца матэрыялы занальных архіваў Брэста і Пінска. Каштоўнасць крыніц у тым, што большая частка інфармацыі з іх да гэтага часу не была апублікавана і іх вывучэннем дагэтуль даследчыкі практычна не займаліся. Таму гэтыя крыніцы ўяўляюць цікавасць для сучаснай гістарычнай навукі.

Трэцюю групу складаюць графічныя і фотаматэрыялы. Пры рабоце выкарыстоўваліся «Основные направления государственной градостроительной политики Республики Беларусь на 2007–2010 годы». Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь 12 января 2007 г. № 19. – Минск: типпроект, 2007. [2].

Чацвёртую групу складаюць відэаматэрыялы. Патрэбна адзначыць фільм Агенцтва тэленавін «На контроле Президента. Агрогородки». У фільме ў даступнай форме змяшчаецца інфармацыя аб прычынах стварэння аграгарадкоў, паказаны як станоўчыя, так і негатыўныя бакі ў гэтым працэсе. Усе відэа па тэме даследавання размешчаны на відэа-партале www.youtube.com.

Пятую групу складаюць статыстычныя матэрыялы, якія дапамагаюць прааналізаваць колькасныя паказчыкі ў розныя прамежкі часу. Сюды можна аднесці «Сельское хозяйство Беларуси в цифрах, 1980-2007 гг.: тенденции развития», статыстычны зборнік «Народное хозяйство Республики Беларусь, 1995», «Статистические ежегодники», «Перечень сельских населенных пунктов, преобразованных в агрогородки в 2005 году» [3].

На жаль, у Беларусі да гэтага часу не выдалі агульную працу непасрэдна па гісторыі станаўлення і развіцця аграгарадкоў Заходне-Беларускага Палесся. Сустрэкаецца толькі разгляд вядучых аграпрамысловых прадпрыемстваў Брэсцкай вобласці ў навукова-папулярным выданні “Аграгарадкі Брэстчыны”, пад рэдакцыяй газеты «Вечерний Брест». Асноўную інфармацыю па пэўным аграгарадку можна знасці ў брашурах, якія маюць назву аграгарадка. Аднак мінусам з’яўляецца тое, што такія брашуры маюць толькі вядучыя прадпрыемствы Брэсцкай вобласці, пра большасць аграгарадкоў Заходне-Беларускага Палесся інфармацыя ў выглядзе брашур адсутнічае або мае фрагментарны характар.

У апошні час інтарэсы некаторых гісторыкаў былі накіраваны на вывучэнне такога феномена, як аграгарадкі. Вынікам гэтага стала напісанне навуковых прац.

Даследчык В. А. Самсановіч у сваёй навуковай публікацыі «О совершенствовании системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов аграрного профиля в Республике Беларусь и Российской Федерации в соответствии с требованиями современного производства: состояние, проблемы и направления совместной работы по их решению» адзначае вялікую ролю навучальных устаноў для падрыхтоўкі кадравага складу працаўнікоў аграпрамысловых прадпрыемстваў. Яшчэ адным даследчыкам па дадзенай праблеме з'яўляецца Г. М. Дземішкевіч – «Мониторинг кадровой обеспеченности АПК как инструмент реализации кадровой политики отрасли». Дададзенай тэме таксама прысвяціла працу А. С. Тарасевіч «Проблема кадрового обеспечения агропромышленного комплекса Республики Беларусь».

Даследчык В. М. Конанова ў сваёй навуковай публікацыі «Современные тенденции развития агрогородков» разглядае як негатыўныя, так і станоўчыя моманты ў развіцці аграгарадкоў Беларусі. А вось Валянціна Назарук у сваёй працы «Новые возможности развития сельских поселений. Опыт создания агрогородков» адзначае толькі пазітыўныя моманты ў стварэнні аграгарадкоў, не закранаючы негатыўных з'яў у аграпрамысловым комплексе. Даследчыкі Н. С. Якоўчык, Н. В. Кірыенка, І. А. Вайтко выказваюць свой пункт гледжання на развіццё аграгарадкоў ў працы «Актуальные проблемы и перспективные направления развития сельских территорий Республики Беларусь». С. Ф. Фаменкова ў сваіх працах «Агрогородки Беларуси: современность и перспективы» і «Проблемы и перспективы благоустройства агрогородков» усебакова разглядае працэс станаўлення і развіцця аграгарадкоў Беларусі, выказвае свае меркаванні аб перспектывах развіцця аграгарадкоў.

Сацыяльна-эканамічнаму становішчу аграгарадкоў прысвечана праца даследчыка Hamid Shlakan Mugheir Al-Delfi – «Развитие агропромышленного комплекса Беларуси как объекта государственного регулирования». У працы прасочваецца дынаміка ў развіцці аграрнага сектара Беларусі.

Дэмаграфічную праблему беларускай вёскі закранулі ў сваіх працах В.Н. Зіноўскі («Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь») і С. Лукашэвіч («Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь»).

Развіццём малага бізнесу ў сельскай мясцовасці займаецца даследчык А. С. Слабадзянюк, які ў працы «Проблемы развития малого предпринимательства в АПК в Беларуси» не толькі адзначае праблемныя момантаў, але і прапануе свае шляхі іх вырашэння.

Пытанню жыллёвых умоў у аграгарадках прысвечаны працы Л. С. Герасімовіч «Особенности энергообеспечения агрогородков» і кандыдацкая дысертацыя А. В. Гарбенковай «Развитие системы агрогородков Республики Беларусь с учетом градостроительных факторов». У сваёй дысертацыі яна засяроджвае ўвагу на паляпшэнні ўмоў жыцця насельніцтва аграгарадкоў, дакладна аўтарам прапісана неабходная інфраструктура, якую павінен мець аграгарадок.

Укараненню інфармацыйных тэхналогій у аграрна-прамысловы комплекс Беларусі прысвечана сумеснае даследаванне А. А. Ільіной, А. А. Кудрашова «Модель цифровой платформы АПК». У працы навукоўцаў С. Мірончука і В. Куніцкага «Банковские услуги в агрогородках Брестской области» адзначаны фінансавыя паслугі, што аказваюцца насельніцтву аграгарадкоў Брэсцкай вобласці.

Такім чынам, гісторыя стварэння аграгарадкоў на тэрыторыі Заходне-Беларускага Палесся з'яўляецца малавядомай. Большасць матэрыялаў па дадзенай тэме ўтрымліваецца ў занальных архівах гарадоў. Пінска і Брэста, перыядычным друку, энцыклапедычных даведніках.

СПИС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы. – Минск : Беларусь, 2005. – 96 с.
2. Основные направления государственной градостроительной политики Республики Беларусь на 2007–2010 годы. Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь : утв. Указом Президента Республики Беларусь, 12 янв. 2007 г., № 19. – Минск : Минсктипроект, 2007. – 120 с.
3. Перечень сельских населенных пунктов, преобразованных в агрогородки в 2005 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mshp.minsk.by/print/programms/fae29ae5bdd624ce.html>. – Дата доступа: 22.02.2014.
4. О Государственной программе «Аграрный бизнес»: на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 февр. 2021 г., № 59. – С.115.
5. Программа по выполнению показателей государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы в Брестской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/region39/text067/index.htm>. – Дата доступа: 10.09.2021.
6. Государственная программа реформирования АПК Республики Беларусь: Основные направления. – М., 1996. – С.4–7.
7. О преобразовании некоторых населенных пунктов Столинского района в агрогородки : решение Столин. район. Совета депутатов, 20 янв. 2011, № 44.
8. О преобразовании сельских населенных пунктов Пинского района в агрогородки : решение Пинского районного Совета депутатов, 29 февр. 2008 г., № 1-01 9/39386 (21.03.2011).
9. О преобразовании сельских населенных пунктов Ивановского района в агрогородки : решение Иван. район. Совета депутатов, 21 сент. 2010 г., № 17.
10. О преобразовании сельских населенных пунктов Лунинецкого района в агрогородки : решение Лунинец. район. Совета депутатов, 10 марта 2009 г., № 125.

УДК 327.7

В. М. СЛЕПЦОВА

Минск, БГУ

Научный руководитель – С. Ф. Свилас, д-р. ист. наук, профессор

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ООН ПО ПОЛОЖЕНИЮ ЖЕНЩИН
(1996–1997 ГГ.)**

В статье на документальной базе рассматривается деятельность Комиссии по положению женщин, созданной при ЭКОСОС для более эффективного обеспечения прав женщин и мужчин, расширения прав и возможностей женщин. Приведен обзор деятельности данной структуры в 1996–1997 гг. по реализации решений Пекинской декларации и Платформы действий (1995), а также подчеркнута важность учета гендерной проблематики при разработке стратегий и программ международных организаций. Предмет исследования – деятельность Комиссии по положению женщин в 1996–1997 гг. Цель исследования заключается в характеристике вклада Комиссии ООН по положению женщин в решение проблемы гендерного равенства.

В ходе 40-й сессии (март 1996 г.) гендерный аспект рассматривался как причина женской нищеты, при этом признавалась ключевая роль женщин в разработке стратегий по ее ликвидации. Участники приняли решение о разработке мер по повышению эффективности проводимой политики в области образования, предоставлению свободного доступа женщин к реализации своих экономических прав (вступление в наследование, земельное право, получение кредитов) и доступу к разработке социально-экономической политики, в том числе к принятию решений. Отмечалось, что у женщин не хватает инструментов для материального обеспечения своих семей в периоды материнства, беременности, инвалидности, пенсии, нетрудоспособности, поэтому правительствам необходимо увеличивать им материальную помощь. Отдельно делался акцент на видах работ, которые остаются «незамеченными» (низкооплачиваемый труд и ведение домашнего хозяйства) [1].

На сессии в связи с обеспокоенностью общественности трансляцией гендерных стереотипов в СМИ и рекламе рассматривалась тема «Женщины и средства массовой информации». Вместе с тем средства массовой информации трактовались как ресурс, открывающий прекрасную возможность для раскрытия проблем насилия и дискриминации, формирования нестереотипного представления о мужчинах и женщинах. Внимание было также направлено на поддержку исследовательских инициатив, разработку образовательных программ, семинаров, тренингов, проведение мероприятий по обмену опытом [2].

Участники обсудили создание «Женской службы», которая стала центральным каналом доступа к информации и ресурсам по вопросам поощрения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин в системе ООН. Особое внимание было направлено на обсуждение вопроса по уходу за детьми и другими находящимися на иждивении лицами, включая разделение трудовых и семейных обязанностей. Для его решения, отмечали участники дискуссии, правительствам необходимо разработать нормативно-правовую базу, гарантирующую помощь в период беременности и предоставление отпусков после рождения детей, в том числе для мужчин, а также возможность сохранения рабочего места по возвращению. Данный аспект социальной жизни женщин учитывается при анализе факторов, препятствующих достижению гендерного равенства [1].

Отмечалась необходимость проведения работы над изменением социальных и экономических условий жизни женщин, увязки понятия нищеты с женской проблематикой («феминизация нищеты») и обеспечения равной оплаты за равный труд в независимости от пола работников. Одной из приоритетных целей деятельности выбрано смягчение бремени женщин по выполнению домашних обязанностей, включая работу над изменением взглядов на традиционно «женские» виды деятельности и проведение информационных мероприятий.

41-я сессия, состоявшаяся в марте 1997 г., рассмотрела вопросы «Женщины и окружающая среда», «Участие женщин в работе директивных органов и в процессе принятия решений», «Женщины и экономика», «Образование и профессиональная подготовка женщин». Проблема «Женщины и окружающая среда» непосредственно связана с деятельностью Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Был поднят вопрос о включении гендерной перспективы в работу Конференции, разработке государственной политики относительно улучшения условий труда и окружающей среды, которые влияют на репродуктивную систему женщин. Правительствам вменялось в обязанность обеспечивать население чистой питьевой водой и совершенствовать санитарные условия жизнедеятельности людей. Вовлечение женщин в планирова-

ние городской инфраструктуры, транспортных и логистических сетей объявлялось важной частью разработки экологической политики, учитывающей опыт женщин [3].

В рамках рассмотрения вопроса об участии женщин в работе директивных органов и в процессе принятия решений было принято решение об активизации мероприятий, запланированных Пекинской платформой действий и направленных на предоставление возможности равного доступа к процессу принятия решений на политическом, экономическом, социальном уровнях. Принимаемые решения следовало представлять как на низовом, так и на высоком уровне. Выражалась приверженность к увеличению числа женщин, представленных в политической жизни общества (политических партиях, общественных организациях, парламентах, органах исполнительной власти). Кадровый вопрос в государственных органах, на дипломатической службе (в том числе и в ряду сотрудников Секретариата ООН) следовало решать путем установления минимального порога участия в них женщин. Для управленческих должностей в ООН он должен был достичь 50 % к 2000 г. [4].

Обсуждение вопроса «Женщины и экономика» повлекло за собой принятие следующих рекомендаций: разработка системного подхода для вовлечения женщин в экономику: проведение исследований и обмен международным опытом включения женщин в предпринимательскую и экономическую деятельность, поиска программ международно-экономического сотрудничества, работы с фондами и организациями; экономические права женщин должны гарантироваться национальными государствами и способствовать искоренению нищеты посредством разработки антидискриминационных законов и контроля их применения. Отмечались важность труда мигрантов, их вовлечения в профессионально-трудовую деятельность. Акцент делался на недопустимости дискриминации людей по национальному, этническому или расовому признакам. Что же касается вопроса неоплачиваемой работы по ведению домашнего хозяйства, который затрагивался в ходе предыдущей сессии, было решено провести расчеты по измерению неоплачиваемого труда, проводить исследования в этой области и содействовать международному научно-техническому сотрудничеству со странами с низкой экономикой [5]. Отмечалось, что профессиональный потенциал женщин все еще мало раскрыт, в связи с этим государства призывались обеспечить расширение образовательных услуг для достижения искоренения неграмотности женщин. Поставлены цели обеспечить доступ к образованию 80 % детей младшего школьного возраста к 2000 г., а к 2015 г. – всеобщее начальное образование при равном доступе к нему женщин и мужчин. Делался акцент на привлечение внимания к разработке политики, которая призвана комплексно охватить процесс образования и дальнейшее трудоустройство, с особым вниманием на обеспечение работой женщин. Отмечалась недопустимость дискриминации женщин в области фундаментальных наук, женские исследования следовало сделать видимыми для общественности, организовывать семинары и обмен опытом между учебными заведениями, в том числе их женскими организациями [6].

Таким образом, в исследуемый период Комиссия по положению женщин в качестве органа для подготовки докладов и рекомендаций ЭКОСОС, а также контрольного органа за реализацией Пекинской декларации 1995 г. и Платформы действий со своими функциями в основном справлялась, что подтверждает анализ работы 40–41-й сессий Комиссии. Сложностью в решении задач, направленных на достижение гендерного равенства, является низкая представленность женщин в структурах, имеющих полномочия для принятия решений, недостаточность финансирования, а также укрепившиеся в общественном сознании гендерные стереотипы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осуществление стратегических целей и деятельности в важнейших проблемных областях: нищета (E/1996/26–E/CN.6/1996/15) : Резолюция Экон. и Соц. совета 40/9. – Дополнение № 6. – 1996. – 13 с.
2. Согласованные выводы Комиссии по положению женщин по важнейшим проблемным областям в рамках Пекинской платформы действий 1996–2009 годы / Департамент по экон. и соц. Вопросам : Отд. по улучшению положения женщин // Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 2010. – 272 с.
3. Согласованные выводы 41 сессии Комиссии по правам женщин (1997/1) Женщины и окружающая среда / Организация Объединенных Наций. – 1997. – 5 с.
4. Согласованные выводы 41 сессии Комиссии по правам женщин (1997/2) Участие женщин в работе директивных органов и в процессе принятия решений / Организация Объединенных Наций. – 1997. – 4 с.
5. Согласованные выводы 41 сессии Комиссии по правам женщин (1997/3) Женщины и экономика / Организация Объединенных Наций. – 1997. – 6 с.
6. Согласованные выводы 41 сессии Комиссии по правам женщин (1997/4) Образование и профессиональная подготовка женщин / Организация Объединенных Наций. – 1997. – 5 с.

УДК 930.25

З. М. ЧЭЧУЛІН

Мінск, БДУ

Навуковы кіраўнік – А. М. Латушкін, канд. гіст. навук, дацэнт

ВОПІС АРХІВА ВКЛ 1584 Г. ЯК КРЫНІЦА ПА ВЫВУЧЭННІ АРХІВА ВЯЛІКІХ КНЯЗЁЎ ЛІТОЎСКІХ (1392–1440 ГГ.)

Аднымі з самых інфарматыўных крыніц для вывучэння дакументальнага складу архіва вялікіх князёў літоўскіх з’яўляюцца архіўныя вопісы. Вопіс, як сучасны архівазнаўчы тэрмін, замацаваны ў СТБ 2059 2013 – гэта сістэматызаваны пералік адзінак архіўнага захоўвання, прызначаны для іх уліку, замацавання сістэматызацыі, раскрыцця дакументальнага складу архіва і зместу дакументаў [1, с. 10]. Мэтаю дадзенага артыкула з’яўляецца раскрыцце інфармацыйнага патэнцыялу вопіса архіва ВКЛ 1584 г. для вызначэння і выкарыстання яго інфармацыйнай каштоўнасці ў мэтах рэканструкцыі архіва вялікіх князёў літоўскіх (1392–1440).

Вопіс архіва ВКЛ 1584 г. выступіў аб’ектам вывучэння даследчыкаў яшчэ напрыканцы XIX ст. у межах вядомай працы па т. зв. “Літоўскай метрыцы”. Вядомы метрыкант С. Пташыцкі не абмінуў увагай і тэксты першых дзвюх кніг запісаў (№ 1 і 2) з архіўнага фонду “Літоўская метрыка”. Так, даследчык канстатаваў, што вопіс быў складзены пасля 1570 г. і адлюстроўваў дакументальны склад асобных захаваных ў метрыцы ВКЛ (!) дакументаў. Даследчык абмінуў увагай генэзіс гэтай кнігі, толькі лаканічна пазначыўшы, што вопіс мае вялікі інфармацыйны патэнцыял, так як частка загаловаў і анатацый (рэгестаў) дакументаў, унесеныя ў вопіс, была страчана [2, с. 8].

Далей праблема каштоўнасці вопісу архіва ВКЛ 1584 г. закраналася ў працах польскага навукоўца Я. Якубоўскага. Ён пазначыў, што па невядомых прычынах вопіс быў складзены на польскай мове. Акрамя таго, у вопісе не фіксуецца ні агульназемскія

прывілеі вялікіх князеў літоўскіх, ні акты уній. Таксама ў вопісе адсутнічае дыпламатычны комплекс архіва вялікіх князеў літоўскіх [3, s. 4]. Да таго даследчык дадае, што, магчыма, вопіс з прычыны транспарціроўкі архіва разам з канцлерам быў складзены ў Варшаве, аднак матывацыю перавозу архіва Я. Якубоўскі не высветліў [3, s. 3].

Анатацыі дакументаў, уключаных ў вопіс, ахопліваюць перыяд ад 1380-га па 1584 г. Схема сістэматызацыі дакументаў у вопісе – геаграфічна-храналагічная, у некаторая ступені прасочваецца намінальная схема. Даследчыкі заўважылі, што першая група складзена з дакументаў агульнадзяржаўнага значэння. Верагодна, яны мелі на ўвазе першы раздзел вопісу – “uniwersały i [pospojłite listy w(ielkieg)0 x(ięstw)a [litewskiego]”. Тым не менш яны не патлумачылі, што такое дакументы агульнадзяржаўнага значэння.

Раздзел, з якога пачынаецца вопіс, утрымлівае загаловаўкі і анатацыі пяць дакументаў, датаваных складальнікамі вопісу 1386, 1388, 1390, 1401 і 1440 г. Варта перайсці да навуковай ідэнтыфікацыі дакументаў, заанатаваных у вопісе.

Пад № 1 за 1386 г. фіксуецца запіс “oddanie wiernosci Basiliussa x(iceia) pinskiego”. Пасля загаловаўкі дакумента ідзе яго анатацыя, дзе сказана, што гэтым актам Васіль прыносіць вернасць каралю польскаму Уладзіславу II Ягайле і яго жонцы Ядвізе. Такім чынам, дадзены запіс варта ідэнтыфікаваць як амажны ліст Васіля Нарымонтавіча Пінскага, выдадзены ў Луцку 27 кастрычніка 1386 г. [4, p. 23]. Дадзены дакумент добра вядомы ў гістарыяграфіі, найбольш дакладную публікацыю тэксту дакумента здзейснілі польскія навукоўцы У. Сямковіч і С. Кутшэба ў археаграфічным зборніку “Акты уній Польшчы з Літвой” [5, s. 13–14]. Зараз дакумент знаходзіцца ў Галоўным архіве старажытных актаў даўніх (Польшча, г. Варшава) і мае архіўную сінтуру 4438 [6].

Пад № 2 фіксуецца прысяжны акт князя Сямёна Друцкага. Архіўны лёс дадзенага дакумента таксама звязаны з дзяржаўным архівам ВКЛ, а дагэтуль і з кракаўскім Каронным архівам. На супадзенне дарсальнага інвентарнага надпісу з загаловаўкамі інвентара кракаўскага Кароннага архіва, складзенага М. Кромерам у 1551 г. і вопісу 1584 г. указаў А. М. Латушкін у спецыяльным артыкуле, прысвечаным архіўнаму лёсу дадзенага дакумента [7, с. 121]. Зараз арыгінал дакумента захоўваецца ў Расійскай Федэрацыі: г. Масква, Расійская дзяржаўная бібліятэка, фонд 191 “Коллекция грамот Муханова [П. А.]”, ед. хр. № 101.

Дакумент пад № 3 быў ідэнтыфікаваны аўтарамі-складальнікамі вопісу як прысяжны ліст Швітрыгайлы каралю польскаму Уладзіславу III ад 6 чэрвеня 1440 г. Да нашых дзён арыгінал дакумента не захаваўся, так як не фіксуецца ў архіўных вопісах і каталогах магчымых месцаў захавання – ГАСА, РДАСА і інш. Дадзены дакумент амаль невядомы ў гістарыяграфіі, у археаграфічных публікацыях таксама адсутнічае. Тым не менш, згодна з рэгестам, які з’яўляецца адной з крыніц патэнцыяльнай тэксталагічнай рэканструкцыі акта, зразумела, што дакумент быў складзены ў княжацкай канцылярыі Швітрыгайлы, і згодна з тагачаснымі дыпламатычнымі і архіўнымі практыкамі таксама павінен быў захоўвацца ў архіве караля Польскага.

Дакумент пад № 4 датуецца 1388 г., згодна з загаловаўкам дадзенаю адзінку архіўнага захавання варта ідэнтыфікаваць як амажны ліст князя Дзмітрыя-Карыбута Альгердавіча каралю польскаму Уладзіславу II Ягайлу. У адрозненне ад папярэдніх дакументаў, складальнікі вопісу пазначылі толькі год дакумента, без даты і месяца. Такім чынам, перад намі дакумент, выдадзены Дзмітрыем Альгердавічам на вернасць каралю Уладзіславу II [5, s. 19–20]. Зараз дакумент знаходзіцца ў бібліятэцы ім. Чартарыйскіх у Кракаве, мае архіўную сінтуру perg. 208. Дакумент напісаны

на рускай мове, сам носьбіт пісьма ў добрым стане захавання. Аднак пячатка, прывешаная да дакумента разламана на два кавалкі, і надпісы на ей амаль не чытаюцца.

Дакументы (у вопісе – listy) пад № 5 – лісты князя Швітрыгайлы, датаваныя складальнікамі вопісу 6898, калі перавесці дату ў выгляд ад Раства Хрыстова, то мы атрымаем чэрвень 1390/1391 г. Ужо ў той момант (1570–1584 гг.) тэксты дакументаў, якіх магло быць два, або больш, былі амаль нечытальныя, таму скласці паўнавартасны рэгест дакумента нават у тыя часы было невыканальнай задачай [4, р. 23].

Пад 1380 г. фіксуецца рэгест надання Вітаўта М. Насуце на зямлю Шэрашава і Камянец. М. Насута, хутчэй за ўсё, яшчэ не жыву ў 1380 г. Адною з прычынай такога датавання мог стаць незразумелы складальнікам вопісу datum дакумента [4, р. 83]. На некарэктную дату ўказваў яшчэ польскі навукоўца К. Саханевіч [8, s. 382-383]. Ён пазначыў, што М. Насута ўпершыню з’яўляецца ў крыніцах пад 1428 г. Згодна з ітынерарыем Вітаўта, К. Саханевіч меркаваў, што дакумент мог быць выдадзены Вітаўтам у тым жа 1428 г. [8, s. 384]. Тым не менш устанавіць дакладную дату пакуль немагчыма, так як арыгінал і копія дакумента пакуль не знойдзены.

У наступным раздзеле вопіса “OSSOBNE LISTY Sac(Cus) N 2. WOIEWOCZTWO VILENSKIE” змяшчаецца рэгест данацыйнага ліста Жыгімонта Кейстутавіча нобілю Судзімонту Даргеевічу на Хожава, Талотава, Палачаны, двор у Касуце (магчыма в. Касута Вілейскага раена) і м. Лужаны ад 15 жніўня 1434 г. Арыгінал дакумента не захаваўся да нашых часоў.

У тым жа раздзеле пад № 30 пазначаны рэгест данацыйнага ліста Жыгімонта Кейстутавіча 13 лютага 1433 г. Я. Гапгольду на шэраг зямель [4, р. 28]. Дадзеная грамата таксама не дайшла да нашых часоў у выглядзе арыгінальнага дакумента, і вядома толькі непасрэдна з т. зв. эк Нарушэвіча.

Такім чынам у вопісе зафіксавана і заанатавана як мінімум дзевяць дакументаў за перыяд 1380–1440 гг. Дакументальны комплекс прысяжных (амажных) лістоў налічвае чатыры дакументы. Астатні комплекс, за выключэннем неведомых па сваім змесце лістоў Швітрыгайлы Альгердавіча нібыта 1390 г., з’яўляецца па сваёй сутнасці данацыйнымі лістамі (пжалованнямі господарскімі), якія трапілі ў архіў ВКЛ згодна з практыкай спаду вымарачных уладанняў тых асобаў, у якіх не засталася нашчадкаў. Дадзеныя дакументы былі выдадзены ад імя вялікіх князеў літоўскіх і не з’яўляюцца архіўнымі дакументамі велікакняжацкага архіва па сваім першасным прызначэнні, так як згодна са сваім функцыяналам павінны былі трапляць да прыватных асобаў, якія і атрымлівалі ад вялікага князя зямлю.

Аднак варта пазначыць, што найбольш сур’ёзнай праблемай з’яўляецца высвятленне матывацыі перадачы трох прысяжных (амажных) граматаў (1386, 1388, 1401, 1440?) з кракаўскага Кароннага архіва ў Вільню. Гэтыя дакументы знаходзіліся ў кракаўскім Каронным архіве яшчэ ў 1551 г., пра што сведчыць інвентар кракаўскага Кароннага архіва, складзены М. Кромерам. Вышэйпазначаная праблема будзе намі разгледжана ў наступных працах.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : СТБ 2059-2013. – Минск : Беларус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2013. – IV. – 20 с.
2. Описание книг и актов Литовской метрики / сост. С. Л. Пташицкий. – Спб., 1887. – 290 с.

3. Jakubowski, J. Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy / J. Jakubowski // Archeion. Czasopismo naukowe poświęcone sprawom archiwalnym. – Warszawa: Wydaw. archiwów państwowych, 1931. – T. 9. – S. 1–18.

4. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Litovskaja Metrika. Kn. Nr. 1, Užrašymų knyga 1: (1380–1584) = Book of inscriptions 1 = Kniga zapisej 1 / ed. A. Baliulis, R. Firkovičius. – Vilnius, 1998.

5. Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791 / Polska Akad. Umiejętności, tow. Naukowe Warszawskie ; S. Kutrzeba, W. Semkowicz. – Kraków : Drukarnia UJ, 1932. – XLI. 572 s.

6. Zbiór Dokumentów Pergaminowych AGAD Wstępna wersja robocza III '22 Inwentarz, układ w kolejności sygnatur [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu : http://agad.gov.pl/inwentarze/preg_work.xml. – Data dostępu : 02.04.2022.

7. Латушкін, А. М. Акты XV ст. з дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографу П. А. Муханова (1797–1871) / А. М. Латушкін // БАШ. Вып. 18. – Мінск, 2017. – С. 114–127.

8. Sochaniewicz, K. Najdawniejsze dyplomy Witolda w. ks. Litewskiego (Przyczynek do dyplomatyki litewskiej) / K. Sochaniewicz / Ateneum Wileńskie. – R. 3, № 10–11. Wilno, 1925/1926. – S. 374–386.

УДК 272

А. С. ЯКОВЛЕВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Лагуновская, канд. филос. наук, доцент

АНТИСОВЕТСКИЕ ПРОПОВЕДИ КСЕНДЗОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х ГОДОВ XX ВЕКА

Во второй половине 50-х г. XX века, особенно после смерти Сталина, активизировалась деятельность католических ксендзов. Это ярко выразалось в их регулярных проповедях, нередко провокационного характера. Мы знаем о их содержании из докладов Уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области. В своих докладах он в деталях описывал все нюансы религиозных проповедей и делал акценты на тех вещах, которые носили ярко выраженный антисоветский характер. В проповедях ксендзов с одной стороны ничего противозаконного нет, но подтекст говорит о многом. Все-таки у католической церкви на тот момент сохранился богатый опыт подпольной борьбы с Советской властью.

Одним из самых активных представителей католического духовенства в Брестской области являлся ксендз Лазарь Станислав Иванович. Он служил в костеле в Бресте, где деятельность католиков была особенно активна, в связи с близостью границы с Польшей и большой численностью католического населения. В проповедях Лазаря содержались наставления католикам, рассказы об отдельных эпизодах жизни Христа и его апостолов. Например, 12 января 1958 г. проповедь была посвящена вопросу поведения католиков в различных местах своей повседневной жизни, о постоянном мысленном общении с Богом. Он утверждал, что забывающий об этом часто попадает под влияние нездоровых идей и явлений и совершает тяжелый грех. 19 января Лазарь посвятил свою проповедь вопросу воспитания детей. Его наставления сводились

к тому, чтобы родители с малых лет приобщали ребенка к Богу, учили детей молитвам. Затем Лазарь перешел к анализу соотношений различных вероисповеданий в мировом масштабе, указав, что католическое вероисповедание среди христианской религии занимает главенствующее место и объединяет 37 % верующих христианской религии. Приводилось также процентное соотношение протестантов и православных. Касаясь евангельских христиан-баптистов, Лазарь заметил, что баптистов «субсидируют американские миллиардеры». Лазарь призывал к укреплению католицизма. Иногда он включает в проповедь притчи своей фантазии, направленные на воспитание враждебного отношения к некоторым мероприятиям советского правительства [1, л. 29].

Так, 9 марта 1958 г. в свою проповедь Лазарь включил следующую притчу:

«Некий человек приобрел билет денежно-вещевой лотереи, на которой пал выигрыш 4,5 тыс. руб. С радостью он поведал своей жене о выигрыше, но жена стала не радоваться, а плакать. Муж спросил жену: – Почему ты плачешь? Ведь я выиграл 4,5 тыс. руб., которые будут нам подспорьем. Жена ответила: – Я плачу потому, что эти деньги нам счастья не принесут. И действительно, вскоре муж потратил все деньги, опустился и стал посмешищем не только в семье, но и среди своих родственников. Следовательно, деньги пришедшие таким путем счастья не приносят». Лазарь не призывал, не покупать билеты денежно-вещевой лотереи, но этот призыв вытекал из притчи [1, л. 29].

Также из одной проповеди С. И. Лазарь объяснял появление ядерного оружия, как следствие того, что люди забыли о Боге и мало молятся. В другой проповеди он выражал беспокойство тем, что многие одни верующие забывают польский язык, другие молодые люди не изучают его, следовательно, не могут читать религиозную литературу и поэтому забывают Бога [1, л. 132].

Некоторые ксендзы воспользовались возможностью покинуть территорию Советского Союза и выехать в Польшу. По этому поводу ксендз Лазарь сказал, что это «дезертирство», имея в виду «дезертирство с религиозного фронта» [1, л. 132].

С подобного рода проповедями выступал не только ксендз Лазарь. Например, 2 апреля 1961 г. на утреннем богослужении ксендз Свентек Казимир Иванович, который являлся ксендзом Пинского костела, выступил с проповедью, краткое содержание которой следующее:

«Умерший и воскресший Христос живет и жить будет. Во имя воскресенья Христова христианство имеет залог бессмертия... Люди отвергли Бога, убили его, положили в гроб, запечатали гроб римской печатью, поставили стражу римских солдат и радовались, что покончили с Богом и его больше не будет. Но не так получилось, как думали смертные люди. Печать сломалась, тяжелый камень отвален, римская стража от страха пала на землю, а затем собравшись с силами, удрала от гроба и заявила Пилату, что Христос воскрес... Мудрецы мира сего в прошлом и настоящем заявляли и заявляют, что они с Богом покончили, его нет, они его не видят. Об этом много пишут и много говорят. Но их сочинения стареют, как и авторы. Авторы умирают и постепенно отмирает влияние этих авторов и в конце концов автор и его сочинения приходят в забвение... И на мировую арену выходят новые мудрецы, с новыми программами и идеями. Мудрецы мира сего, те, которые отвергают Бога, строят религию без Бога, без Христа, без духа святого, но без религии обойтись не могут. Один мудрец задумал построить такую религию без Бога (повидимому, имеется в виду Л. Н. Толстой), об этом он написал несколько толстых сочинений и дал их проверить своему другу, который был человеком верующим в Бога. Тот ему сказал: «Твою новую религию меньшинство примет, а большинство отвергнет. Если ты хочешь, чтобы твоя новая религия была принята большинством, то скажи мне, ты можешь умереть на кресте за других, можешь воскреснуть и после воскресенья явиться другим?»

Тот ему сказал, что не может. «Тогда, – сказал ему друг, – напрасен твой труд». Есть только одно бессмертное учение – это учение Христа, и есть только одна истинная церковь – католическая. Эта церковь бессмертна. Дорогие христиане католики, будьте верными членами своей святой католической церкви. Храни вас Бог, чтобы кто-либо из вас сделался изменником своей отцовской, дедовской и прадедовской веры. Храни вас Бог, чтобы кто-либо из вас сделался Иудой и за ничтожную цену продал Христа. Если и святыня будет заперта (намек на закрытие костела), и каплана не будет, то помните, что вы католики, с вами Христос и на вашей стороне правда» [1, л. 11].

Таким образом, основываясь на приведенных выше материалах мы видим, что католическое духовенство Брестской области во второй половине 50-х годов XX века активно занимались своей религиозной деятельностью, вели осторожную борьбу против влияния коммунистов на умы своих прихожан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБр). – Ф. 1339. Оп. 2. Д. 13.
2. ГАБр. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 16.